

ЛАБИРИНТ

БЕЗ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Джеймс Шелдон

Лабиринт без права на защиту

Джеймс Шелдон

Пролог

Дождь барабанил по стеклу с настойчивостью, граничащей с агрессией. Артём Левин сидел в темноте своего кабинета, единственным источником света был экран ноутбука и мерцающий огонёк сигареты, хотя он бросил курить несколько лет назад. На столе лежала папка — серая, безликая, как и сотни других, прошедших через его руки. Но эта папка была другой. Она пахла не пылью архивов, а страхом.

Он закрыл глаза, и реальность мгновенно сменилась вязким, липким кошмаром. Это происходило каждую ночь в последние две недели.

Он стоял посреди огромного бетонного зала. Стены уходили вверх, теряясь в темноте, а пол был расчерчен сложными геометрическими фигурами. Лабиринт. Не нарисованный, а настоящий, выстроенный из стеллажей с уголовными делами. Где-то в глубине этого бумажного города плакала София.

— Папа! — её голос звучал глухо, словно из-под воды. — Они сказали, что ты не придёшь.

Артём рванул на звук, но ноги увязали в полу, который превратился в гудрон. Он бежал, сбивая дыхание, опрокидывая стеллажи. Папки падали, раскрывались, и из них вылетали не листы бумаги, а чёрные птицы, кружащие под потолком.

— София! Я здесь! — кричал он, но голоса не было. Только хрип.

Он свернул за угол и увидел её. София, маленькая, в той самой жёлтой пижаме с зайцами, которую она переросла ещё год назад, сидела на корточках спиной к нему. Перед ней стояли трое. Лиц не было видно — вместо них зияли чёрные провалы, заштрихованные грубым карандашом, как в материалах дела, где скрывают личности засекреченных свидетелей.

Один из них протянул руку к плечу дочери. Рука была неестественно длинной, в казённом сером рукаве.

— Мы заберём её для защиты, — произнёс голос, скрипучий, как звук пенопласта по стеклу. — Ты ведь не можешь гарантировать безопасность, Артём. Ты даже с женой развёлся, чтобы спрятать их. Но от нас не спрячешь.

Артём попытался сделать шаг, но пол под ногами исчез. Он падал в бесконечную черноту, а сверху, удаляясь, светилось бледное лицо Софии, которая смотрела на него с недетским, ледяным укором.

Артём проснулся от собственного резкого вдоха. Сердце колотилось где-то в горле. Рука автоматически потянулась к телефону — проверить время, а заодно убедиться, что нет пропущенных от бывшей жены. 03:14. Тишина.

Он вытер холодный пот со лба и посмотрел на открытый документ на экране. Дневник. Его способ сохранять рассудок, когда логика отказывала. Курсор мигал в конце последней фразы: *«В этом лабиринте стены двигаются. Сегодня я понял, что они охотятся не за преступниками. Они охотятся за инакомыслием, а дети — это просто рычаг давления».*

Артём встал и подошёл к окну. Город спал, укрытый пеленой дождя. Где-то там, в другой квартире, спала София. Он не видел её уже две недели — слишком опасно. Паранойя? Возможно. Но после того, что он нашёл в материалах дела Лидии и Марины, паранойя казалась единственной разумной стратегией выживания.

Он вспомнил тот вечер, когда всё началось. Не с клиентов, а с ощущения. Того самого, когда София, ещё совсем маленькая, прибежала к нему в кабинет с плюшевым медведем. *«Папа, а нас тоже могут забрать?»* Тогда он отшутился. Сказал, что папа — адвокат, папа знает законы, папа — стена.

Какая глупая, самонадеянная ложь.

Артём вернулся к столу. Взгляд упал на фотографию дочери, которую он убрал в ящик стола, чтобы не видеть её глаз во время работы над этим делом. Он выдвинул ящик. С фотографии на него смотрела улыбающаяся девочка с выпавшим молочным зубом.

— Я вытащу тебя из этого лабиринта, — прошептал он в пустоту кабинета. — Даже если придётся разрушить стены собственными руками.

Он снова сел за клавиатуру. Нужно было структурировать хаос. Нужно было превратить эмоции в факты, а страх — в доказательства. Он начал печатать, и стук клавиш звучал как выстрелы в ночной тишине. История, в которую он ввязался, не имела права на существование в XXI веке. Но она существовала.

Глава 1: Точка входа

Офис Артёма Левина находился на двадцать третьем этаже башни из стекла и бетона, возвышающейся над центром Москвы. Здесь, за тройными стеклопакетами, город казался беззвучной схемой, расчерченной огнями проспектов. Хаос оставался внизу, в слякоти и пробках. Здесь же царила стерильная тишина, нарушаемая лишь гулом климатической системы, поддерживающей идеальные двадцать один градус.

Артём любил этот холод. Он любил свой кабинет: минимализм, дорогие материалы, отсутствие лишних деталей. Его жизнь была такой же — выверенной, структурированной, очищенной от эмоционального шума.

Он посмотрел на часы: 18:45. Время для обязательного звонка.

Артём набрал номер, откинувшись в кресле. Гудки шли долго, и с каждым звуком в груди поднималась привычная, иррациональная волна напряжения. Он знал, что это глупо. Он сам выстроил систему безопасности, которая исключала случайности. Но инстинкт, тот самый, что заставил его три года назад подать на фиктивный развод и перевезти семью в другой район, никогда не спал.

— Привет, пап! — голос Софии был звонким, живым, полным той беззаботности, которую Артём так старательно охранял.

— Привет, Соф, — Артём невольно улыбнулся, и маска циничного юриста на секунду сползла. — Как школа?

— Нормально. Мы сегодня проходили дроби. Это скучно. Пап, а ты приедешь в субботу? Мама сказала, что ты, может быть, будешь занят.

Артём бросил взгляд на стопку папок с арбитражными делами. Спор хозяйствующих субъектов. Скучно, дорого, безопасно.

— Я постараюсь, Соф. Я очень постараюсь. У тебя всё хорошо? Никто не обижает?

— Пап, ну кто меня будет обижать? — она рассмеялась. — Я же староста.

— Хорошо. Слушайся маму. И помни наш уговор: телефон всегда заряжен, геолокация включена.

— Знаю, знаю, «безопасность — это не паранойя, а стратегия», — передразнила она его менторский тон.

Они попрощались. Артём положил телефон на стол, экраном вниз. Улыбка исчезла. Он подошёл к окну. Внизу, в лабиринте улиц, миллионы людей жили своей жизнью, не подозревая, насколько хрупок их мир. Артём знал. Именно поэтому он специализировался на экономических спорах. Деньги — это понятно. Деньги — это рационально. В уголовном праве, особенно в делах, связанных с политикой или идеологией, логика умирала, уступая место чему-то вязкому и грязному. Он называл это «грязной зоной» и никогда туда не заходил.

Селектор на столе мигнул красным.

— Артём Сергеевич, к вам посетители.

Левин нахмурился. В его расписании не было встреч.

— Я никого не жду, Елена. Отправьте их в юридическую консультацию на первом этаже.

— Они... они не уходят, Артём Сергеевич. Говорят, что были везде. Им везде отказали.

В голосе секретаря, обычно бесстрастном, звучала странная нота. Не раздражение, а растерянность.

— Кто это?

— Две женщины. Лидия и Марина. Фамилии не назвали. Сказали, вопрос жизни и смерти.

«Жизни и смерти» — самая дешёвая валюта в мире юриспруденции. Обычно за этой фразой скрывался раздел дачного участка или пьяная драка. Но Артём почему-то не нажал кнопку отбоя. Возможно, потому что вечер был слишком пустым, а арбитражные сводки — слишком сухими.

— Пусть войдут. Пять минут.

Дверь открылась, и в кабинет вошли две женщины. Они совершенно не вписывались в интерьер из кожи и хрома. Обычные пуховики, уставшие лица, в руках — дешёвые пластиковые пакеты с документами. От них веяло не бедностью,

а той специфической измождённостью, которая появляется у людей, столкнувшихся с катком государственной машины.

Они сели на краешки предложенных стульев, не снимая верхней одежды, словно готовые в любой момент бежать.

— У нас мало времени, — сразу обозначил границы Артём, не предлагая кофе. — Излагайте суть. Гражданский иск? Имущественный спор?

Женщина постарше, Лидия, сжала ручки сумки так, что побелели костяки пальцев.

— Уголовное дело, — тихо сказала она. — Статья 282.2.

Артём внутренне отшатнулся. Экстремизм. Организация деятельности экстремистской организации. Самая токсичная статья в современном кодексе.

— Вы ошиблись дверью, — холодно произнёс он. — Я корпоративный юрист. Я не занимаюсь уголовными делами, тем более такого профиля. Вам нужен адвокат по правам человека, кто-то из тех, кто любит громкие процессы и интервью.

— Мы были у них, — вступила в разговор вторая, Марина. Она была моложе, её глаза были красными, но взгляд — прямым и жёстким. — Одни боятся. Другие просят такие суммы, которых у нас нет, даже если мы продадим квартиры. Третьи... третьи предложили признать вину и надеяться на условный срок.

— Разумный совет, — кивнул Артём. — По этой статье оправдательных приговоров не бывает. Статистика — вещь упрямая.

— Признать вину в чём? — голос Лидии дрогнул. — В том, что они читали Библию?

Артём замер. Пазл сложился мгновенно. 2017 год. Верховный суд. Запрет.

— Свидетели Иеговы? — он произнёс это с лёгкой брезгливостью.

В его рациональном мире религия была атавизмом, а фанатизм — диагнозом. Он читал новости. Он знал общую канву: тоталитарная секта, запрет на переливание крови, разрушенные семьи, отказ от государственных праздников. Для человека, живущего логикой, всё это выглядело как добровольное безумие.

— Да, — ответила Марина. — Наши мужья. Их забрали неделю назад.

— Послушайте, — Артём встал, давая понять, что разговор окончен. — Я не разделяю ваших убеждений. Более того, я считаю, что любая организация, которая

ставит догмы выше закона или здоровья, — это проблема. Я не тот человек, который вам нужен.

— Нам не нужен тот, кто разделяет наши убеждения, — тихо сказала Лидия, доставая из пакета потрёпанную папку. — Нам нужен тот, кто умеет читать документы. Просто посмотрите. Пожалуйста.

Артём хотел вызвать охрану. Это было бы правильно. Это было бы безопасно. Но взгляд Марины остановил его. В нём было что-то, что он видел в зеркале по утрам — страх, загнанный глубоко внутрь ради кого-то другого.

— У нас дети, — вдруг сказала Марина. — У меня сын, семь лет. У Лидии — дочь.

Слово «дочь» сработало как триггер. Артём вспомнил голос Софии в трубке пять минут назад.

— При чём тут дети? — резко спросил он. — Арестовали мужей, а не детей.

— Вы не понимаете, — Марина начала быстро, сбивчиво говорить, словно боясь, что её перебьют. — Это не просто арест. Это травля. В школе узнали. Учителя... они начали занижать оценки. Родители в чате требуют, чтобы наших детей перевели в другой класс. Пишут, что они «дети террористов», что они опасны.

Артём нахмурился.

— Это незаконно. Дискриминация в образовательных учреждениях...

— Закон? — Лидия горько усмехнулась. — На прошлой неделе кто-то разбил окно в спальне моей внучки. Бросили камень с запиской. А мужа Марины уволили за день до ареста. Позвонили работодателю, сказали, что он состоит в преступной группировке. Он был лучшим инженером в отделе. А теперь мы изгои. Нас вычеркнули из жизни.

Артём молчал. Перед глазами всплыла картина: София в школе, одна, против толпы. Учителя, которые отворачиваются. Родители, шепчущиеся за спиной. Холодный липкий страх коснулся его позвоночника. Он знал, как жестоко общество к тем, кого пометили клеймом «чужой». Он развёлся, чтобы его профессиональные риски не коснулись дочери. Но здесь... здесь риск был не в профессии. Риск был в существовании.

— Дайте бумаги, — коротко бросил он, не садясь.

Лидия протянула папку. Артём открыл её с видом хирурга, вынужденного копаться в грязной ране.

Постановление о возбуждении уголовного дела. Постановление об избрании меры пресечения. Заключение под стражу.

Он пробежал глазами по строкам, выискивая привычные маркеры тяжких преступлений. Оружие? Взрывчатка? Вербовка смертников? Финансирование боевиков?

Ничего.

«...организовывали собрания, на которых обсуждали религиозную литературу...», «...исполняли песнопения...», «...осуществляли проповедническую деятельность посредством бесед о Боге...».

Артём перечитал абзац дважды. Его мозг, заточенный на поиск причинно-следственных связей, буксовал. Людей обвиняли в экстремизме — статье, которая стоит в одном ряду с терроризмом и государственной изменой. Но фабула обвинения описывала действия кружка по интересам.

— Это всё? — спросил он, поднимая глаза. — Где фактура? Где эпизоды насилия? Призывы к свержению строя?

— Нет никакого насилия, — устало ответила Марина. — Мой муж даже паука из дома выносит в стакане, чтобы не убить.

Они просто молились. Дома. С друзьями. Артём фыркнул.

— Так не бывает. Следствие может ошибаться, может фальсифицировать улики, но оно не может строить обвинение в тяжком преступлении на пении песен. Должно быть что-то ещё. Может, они запрещали кому-то медицинскую помощь?

— Нет, — твёрдо сказала Лидия. — В деле этого нет. Посмотрите экспертизу.

Артём перелистнул несколько страниц. Лингвистическая экспертиза. Вывод эксперта: «Утверждение о том, что их вера является единственно истинной, содержит признаки пропаганды исключительности и неполноценности граждан по признаку религиозной принадлежности».

Он почувствовал, как у него начинает дёргаться веко.

— Это абсурд, — пробормотал он. — Любая религия считает себя истинной. Иначе зачем в неё верить? Если следовать этой логике, то каждый священник, каждый мулла, каждый раввин — экстремист.

— Вот именно, — тихо сказала Марина. — Но сидят наши мужья.

Артём закрыл папку. Гладкий картон был приятен на ощупь, но содержание жгло пальцы. Это была не юриспруденция. Это было зазеркалье. Лабиринт, где стены меняют положение, как только ты отворачиваешься.

Он посмотрел на женщин. Теперь он видел не просто просительниц. Он видел жертв системного сбоя. Или, что ещё хуже, системного замысла.

— Я не обещаю, что возьмусь за защиту в суде, — произнёс он медленно, взвешивая каждое слово. — Я не знаю вашей специфики. Я не знаю ваших... внутренних правил. Но то, что я вижу в этом постановлении, — это юридическая ересь.

— Вы поможете нам? — в глазах Лидии зажглась надежда, от которой Артёму стало не по себе. Надежда — опасная вещь, когда ты стоишь перед катком.

— Я изучу материалы, — сухо ответил он. — Мне нужно понять, как они обосновывают общественную опасность. Мне нужно увидеть протоколы обысков и допросов. Если там действительно нет ничего, кроме молитв и разговоров, то...

Он не закончил фразу. Он подумал о Софии. О том, как легко можно превратить жизнь ребёнка в ад, просто навесив на его родителей ярлык. «Сектанты». «Враги».

— Сколько у вас времени до апелляции по мере пресечения?

— Три дня.

Артём кивнул.

— Оставьте документы. И напишите мне список всех, кто оказывал давление на детей. Школа, соседи, органы опеки. Имена, даты, факты.

— Опеки? — испуганно переспросила Марина.

— Вы сказали, что детей травят. Следующий шаг системы в таких случаях — это всегда дети. Они — самое слабое звено. Если ваших мужей объявили

экстремистами, то логика системы проста: экстремисты не могут воспитывать детей.

Женщины побледнели. Артём увидел, как этот страх — животный, первобытный — затопил их глаза. Он знал этот страх. Он жил с его отголосками каждый день, хотя ему никто не угрожал.

— Не бойтесь, — солгал он. — Пока я просто читаю документы. Идите домой. Обнимите детей. И никому не открывайте дверь без повестки.

Когда они ушли, в кабинете снова стало тихо. Но тишина изменилась. Она больше не была стерильной. Она была наэлектризованной, тяжёлой.

Артём подошёл к столу и снова взял папку. На обложке не было имени, только номер дела. Он чувствовал, что совершает ошибку. Рациональный профессионал внутри него кричал, что нужно выбросить эти бумаги в шредер, забыть этот разговор и вернуться к арбитражу. Это «грязная зона». Это политика, религия и безумие в одном флаконе.

Но он вспомнил рассказ о разбитом окне в детской. О том, как отворачиваются учителя.

Он открыл папку на первой странице.

За окном начал накрапывать дождь, размывая огни города в мутные, бесформенные пятна. Артём Левин, успешный адвокат, построивший крепость из логики и законов, сделал первый шаг в лабиринт, где право на защиту было лишь иллюзией, нарисованной на бетонной стене.

Он ещё не знал, что этот лабиринт не имеет выхода. Он просто начал читать.

Глава 2: Аномалии в тексте

Кофе в чашке давно остыл, покрывшись неприятной маслянистой плёнкой, но Артём этого не замечал. На его столе, обычно идеально чистом, царил хаос,

который он ненавидел. Папки, переданные Лидией и Мариной, лежали раскрытыми, словно вскрытые нарывы, источая невидимый, но ощутимый яд.

За окном Москва продолжала жить своей жизнью — потоки машин на Садовом кольце сливались в бесконечные красные и белые реки, люди спешили в рестораны и театры. Там, внизу, действовали понятные правила: правила дорожного движения, правила этикета, законы рынка. Здесь же, в круге света настольной лампы, Артём погружался в мир, где логика была вывернута наизнанку.

Он начал с протоколов обыска. Это была рутина, база любого уголовного дела. Обычно в таких документах всё сухо и скучно: перечень изъятого, понятые, подписи. Но эти бумаги вызывали у него профессиональную тошноту.

«Протокол обыска в жилище гр. Смирнова А.В.», — гласил заголовок.

Артём пробежал глазами вводную часть и остановился на перечне изъятого имущества. *«Пункт 4. Библия — 1 шт.» «Пункт 5. Открытки с изображением цветов и цитатами — 12 шт.» «Пункт 6. Планшетный компьютер марки Samsung в розовом чехле, принадлежащий несовершеннолетней дочери подозреваемого...»*

Артём замер. Его палец завис над строчкой. «Розовый чехол».

Внезапно стены кабинета растворились. Запах дорогой кожи и кондиционированного воздуха исчез, уступив место запаху домашней выпечки и едва уловимому аромату детского шампуня.

Флэшбек

Это было полгода назад. Вечер пятницы. Артём сидел в своём домашнем кабинете — тогда он ещё жил с семьёй — и просматривал договор слияния двух крупных ритейлеров. Работа была напряжённой, цифры плясали перед глазами, и он был раздражён.

Дверь скрипнула. Он не обернулся, продолжая печатать. — Пап?

Артём выдохнул, снял очки и повернулся. София стояла в дверях, прижимая к груди плюшевого зайца с оторванным ухом — её любимую игрушку, которую она отказывалась менять на новую. Она была в пижаме, босиком, и её маленькие пальцы нервно теребили мягкую ткань.

— Соф, я же просил. Я работаю. Что случилось?

Она не ушла. Она сделала шаг вперёд, и в свете монитора Артём увидел её глаза. Они были огромными, тёмными от страха, который не должен быть знаком десятилетнему ребёнку.

— Пап, — её голос дрогнул. — А нас тоже могут забрать?

Артём нахмурился, не понимая. — Кто забрать? Куда? О чём ты?

— В школе... — она шмыгнула носом. — Мальчики говорили, что полиция забирает тех, кто неправильный. Что они приходят ночью, ломают двери и забирают всё. И детей тоже. В детский дом.

Артём почувствовал, как внутри всё холодеет. Он встал, подошёл к дочери и опустился перед ней на корточки. — София, посмотри на меня. Она подняла глаза. — Мы — правильные, — твёрдо сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я юрист. Я знаю законы. Никто не имеет права ворваться к нам. Никто тебя не заберёт. Это просто глупые страшилки.

— Правда? — она сжала зайца ещё крепче. — Правда. Я обещаю. Всё под контролем.

Он обнял её, чувствуя, как колотится её маленькое сердце. Но в тот момент, глядя её по волосам, он сам почувствовал укол иррационального страха. Страх, что его «контроль» — это всего лишь иллюзия, хрупкая стеклянная стена перед надвигающимся штормом.

Артём моргнул, возвращаясь в реальность. Офис. Ночь. Документ перед глазами.

«...Планшетный компьютер... изъят для проверки на наличие экстремистских материалов».

Он представил, как в квартиру врываются люди в масках. Как они вырывают из рук ребёнка планшет с мультиками, называя это «следственными действиями». Как девочка плачет, не понимая, почему дяди в форме забирают её вещи.

— Ублюдки, — прошептал Артём. Это было непрофессионально, но сдержаться он не мог.

Он отложил протокол обыска и взял следующую папку — показания свидетелей обвинения. Если обыск был просто жестоким, то здесь начинался настоящий сюрреализм.

В деле фигурировали два ключевых свидетеля. Их имена были скрыты псевдонимами: «Иванов И.И.» и «Петров П.П.». Артём знал эту практику — она применялась в делах о терроризме или организованной преступности для защиты свидетелей от мести картелей. Но здесь? Кого они боялись? Инженера и строителя, которые читали Библию?

Он начал читать показания «Иванова». *«Подсудимые осуществляли психологическое насилие, используя методы нейролингвистического программирования. Они утверждали, что только их вера истинна, тем самым унижая достоинство представителей других конфессий...»*

Текст был гладким, слишком литературным для устной речи обычного человека. Слишком много терминов, слишком сложные деепричастные обороты.

Артём открыл показания второго свидетеля, «Петрова». *«Подсудимые осуществляли психологическое насилие, используя методы нейролингвистического программирования. Они утверждали, что только их вера истинна, тем самым унижая достоинство представителей других конфессий...»*

Артём нахмурился. Он положил два листа рядом. Текст совпадал слово в слово. Абзац за абзацем. Даже пунктуационные ошибки были идентичными. В обоих протоколах в слове «экстремистский» была пропущена буква «с» — «экстремистский».

— Они даже не старались, — пробормотал он, чувствуя смесь гнева и презрения.
— Ctrl+C, Ctrl+V.

Это было не просто нарушение Уголовно-процессуального кодекса. Это была демонстрация безнаказанности. Следователь, составлявший эти протоколы, знал, что никто не будет их читать. Или, что ещё хуже, знал, что судья закроет на это глаза. Это был сигнал: «Нам всё равно. Результат предрешён».

Артём откинулся в кресле, потирая виски. Он привык работать с документами, где каждая запятая могла стоить миллионы долларов. В арбитраже юристы бились за

формулировки, искали малейшие несоответствия. Здесь же документы выглядели как черновик плохого романа, который никто не собирался редактировать.

Он взял в руки том с «экспертизой». Это был толстый документ, скреплённый печатью некоего «Центра социокультурных исследований». Артём ожидал увидеть ссылки на законы, лингвистический анализ, факты.

Вместо этого он погрузился в пучину бреда.

«Секта Свидетелей Иеговы, известная также как Общество Сторожевой башни, является тоталитарной организацией, управляемой из-за рубежа...» — начинался текст.

Дальше шли страницы, заполненные не научным анализом, а эмоциональной публицистикой. Эксперт — некий религиовед, фамилию которого Артём слышал впервые, — сыпал обвинениями, не утруждая себя доказательствами.

«Они разрушают семьи...», «Они зомбируют людей...», «Их деятельность направлена на подрыв суверенитета государства...».

Артём искал конкретику. Где примеры? Где записи разговоров, подтверждающие призывы к насилию? Их не было. Вместо этого эксперт ссылался на труды неких западных «антикультистов», имена которых ничего не говорили Артёму, но звучали зловеще.

В одном абзаце эксперт утверждал: *«Любой человек может называть организацию сектой без страха наказания, если он считает её таковой. Юридическое определение здесь излишне, так как мы бы проиграли такие дела в суде, если бы опирались только на букву закона».*

Артём перечитал это дважды. Эксперт прямым текстом признавал, что закон на их стороне не работает, поэтому нужно использовать другие методы. Это было признание в профессиональной импотенции, замаскированное под научный вывод.

— Патологическая ложь, — вслух произнёс Артём. — Они верят в то, что пишут, даже если это противоречит реальности.

Он вспомнил статью по психологии, которую читал в университете. Патологические лжецы отличаются от обычных тем, что сами верят в свою ложь. Они создают

альтернативную реальность, в которой они — герои, спасающие мир от зла. И в этой реальности факты не имеют значения.

Артём перевернул страницу и увидел, что следующий лист вырван. Остался только рваный край у корешка. Следующая страница была перечёркнута жирным чёрным маркером, так что текст невозможно было разобрать. Никакой пометки «Ошибочно», никакой подписи следователя. Просто вырвано и зачёркнуто. Как в школьной тетради двоечника, который пытается скрыть ошибку от учителя.

Только здесь «учителем» был суд, а ценой ошибки — человеческие жизни.

Артём почувствовал, как внутри нарастает глухое раздражение. Он не был правозащитником. Он не любил громких слов о демократии. Он был ремесленником права. И то, что он видел перед собой, было оскорблением его ремесла. Это было похоже на то, как если бы хирург пришёл в операционную с ржавым топором вместо скальпеля.

Он открыл ноутбук. Ему нужно было систематизировать этот хаос. Он создал новый файл, назвав его просто: «Дневник дела № 14-282».

Пальцы зависли над клавиатурой. С чего начать? С процессуальных нарушений? С фальсификации свидетельств?

Он напечатал первую дату.

«24 октября. Начал ознакомление с материалами. Первое впечатление: дело сшито не белыми нитками, а колючей проволокой. Следователь не утруждал себя созданием видимости законности. Свидетели говорят одними и теми же фразами, с одними и теми же ошибками. Экспертиза — набор идеологических штампов, не имеющих отношения к праву».

Артём остановился. В голове крутилась мысль, которую он гнал от себя весь вечер. Мысль о том, что это напоминает ему что-то из истории. Он увлекался историей права, читал о процессах 30-х годов.

Он продолжил печатать, медленнее, словно слова давались ему с трудом:

«Методология обвинения пугающе знакома. Создаётся образ врага — «внутреннего чужого». Он не такой, как мы. Он опасен не тем, что он делает, а тем, кто он есть. Дегуманизация. Сначала их называют «сектантами», лишая

права называться верующими. Потом их называют «экстремистами», ставя в один ряд с террористами. А потом... потом с ними можно делать всё что угодно. Изымать детей. Сажать в тюрьму. Вычёркивать из жизни».

Он перечитал написанное. Это было слишком эмоционально для рабочего дневника. Но он не стал удалять.

«В материалах дела я вижу следы работы целой системы. Это не инициатива одного следователя. Экспертиза ссылается на некий центр РАЦИРС. Свидетели — явно подготовленные агенты. Это конвейер. И самое страшное — этот конвейер работает на топливе из страха и невежества».

Артём закрыл ноутбук. Тишина в кабинете стала давящей. Ему казалось, что вырванные страницы из дела смотрят на него, как пустые глазницы.

Он снова вспомнил Софию. Её вопрос: «Папа, а нас тоже могут забрать?»

Тогда он ответил «нет». Но теперь, глядя на стопку бумаг, где закон был подменён идеологией, а правосудие — расправой, он уже не был так уверен. Если можно объявить экстремистом человека за чтение Библии, то где проходит граница? Кто следующий? Тот, кто читает не те книги? Тот, кто защищает не тех людей?

Артём встал и подошёл к сейфу. Достал бутылку виски, налил немного в стакан, но пить не стал. Просто держал холодное стекло в руке, глядя на янтарную жидкость.

Он понимал, что вступает на территорию, где его навыки корпоративного юриста могут оказаться бесполезными. Здесь не работают аргументы о прибыли и убытках. Здесь идёт война за умы, и в этой войне пленных не берут.

Взгляд упал на фотографию дочери на полке. Она улыбалась, сидя на велосипеде. Солнечный день, парк, безопасность.

— Я не дам им добраться до тебя, — тихо сказал он. — Но чтобы защитить тебя, мне придётся понять, как работает этот механизм.

Он вернулся к столу. Взял папку с показаниями «засекреченных свидетелей». Ему нужно было найти в них брешь. Даже в самой совершенной лжи всегда есть трещина. А эта ложь была далеко не совершенной. Она была наглой, грубой и самоуверенной.

Артём взял маркер и начал подчёркивать противоречия.

«Свидетель утверждает, что присутствовал на собрании 15 мая. Но согласно биллингу телефона подсудимого, тот находился в другом городе...»

Первая зацепка. Маленькая, тонкая ниточка. Но если потянуть за неё достаточно сильно, может быть, удастся распутать весь клубок?

Он работал до рассвета. Дождь за окном прекратился, небо начало сереть, превращая зеркальные стены небоскрёбов в призрачные силуэты. Артём чувствовал усталость, но страх ушёл, уступив место холодной, злой решимости.

Он нашёл ещё несколько аномалий. Подписи понятых, которые визуально отличались на разных страницах. Даты протоколов, которые не совпадали с днями недели. Ссылки на несуществующие статьи закона.

Это был не просто юридический брак. Это был лабиринт, построенный кривыми руками, но с очень чёткой целью — запутать, запугать и уничтожить. И Артём Левин только что нашёл вход в этот лабиринт.

Он сложил документы в сейф, запер его на два оборота. Выходя из кабинета, он бросил последний взгляд на свой стол. Теперь он знал: чистота и порядок в этом офисе — лишь декорация. Настоящая жизнь, грязная и опасная, лежала в тех папках.

В лифте, спускаясь вниз, он проверил телефон. Сообщение от Марины: *«Артём Сергеевич, спасибо, что согласились посмотреть. Мы молимся за вас».*

Артём криво усмехнулся. — Лучше найдите мне свидетелей, которые не боятся говорить правду, — прошептал он. — Молитвы в этом суде к делу не пришьёшь.

Двери лифта открылись, выпуская его в прохладное утро. Впереди был суд. Первое заседание по мере пресечения. Артём знал, что там его ждёт спектакль. Но он не собирался быть в нём безмолвным зрителем. Он собирался стать тем, кто испортит сценарий.

Он ещё не знал, что сценарий написан людьми, которые считают себя выше закона, и что роль, которую они отвели ему, может стать последней в его карьере. Или в жизни.

Но отступать было поздно. Лабиринт уже закрыл за ним свои двери.

Глава 3: Театр теней

Районный суд встретил Артёма запахом хлорки, дешёвого кофе и въевшейся в стены безнадёжностью. Это было старое здание советской постройки, где даже воздух казался серым и тяжёлым, словно пропитанным тысячами невысказанных слов оправдания, которые здесь никто не слушал.

Артём поправил узел галстука, глядя на своё отражение в мутном стекле двери зала заседаний № 204. Идеальный костюм, белая рубашка, папка из натуральной кожи — всё это были атрибуты его привычного мира, мира арбитражных судов и корпоративных споров, где побеждал тот, у кого сильнее аргументы и лучше подготовлены документы. Но здесь, в этом коридоре с облупившейся краской, его лоск казался неуместным, почти вызывающим. Как смокинг на скотобойне.

Рядом на деревянной скамье сидели Лидия и Марина. Они держались за руки, их пальцы переплелись так крепко, что побелели костяшки. Они не плакали. Слёзы остались там, дома, в подушках. Здесь была только тихая, сосредоточенная паника.

— Артём Сергеевич, — тихо спросила Марина, когда он подошёл. — У нас есть шанс сегодня? Хотя бы под домашний арест?

Артём посмотрел на неё сверху вниз. Ему хотелось сказать правду: «В делах по 282-й статье шансов на изменение меры пресечения меньше, чем на то, что в этом здании заработает кондиционер». Но он сказал другое: — Мы подали все необходимые ходатайства. У нас есть характеристики с работы, документы на квартиры, справки о состоянии здоровья детей. По закону оснований держать их в СИЗО нет.

«По закону». Эти слова застряли у него в горле, как рыбная кость.

Дверь открылась, и секретарь, молодая девушка с усталым лицом и пучком на голове, равнодушно крикнула: — По делу Смирнова и других! Заходите.

Зал был тесным. Половину пространства занимала металлическая клетка — «аквариум», за стеклом которого уже сидели двое мужчин. Мужья Лидии и Марины. Артём видел их впервые вживую, до этого только на фотографиях в деле. Обычные лица. Интеллигентные, немного растерянные. Один в очках, другой в потёртом свитере. Они не выглядели как люди, способные подорвать конституционный строй.

Они выглядели как люди, которые вышли за хлебом и случайно попали в жернова гигантского механизма.

Артём занял место за столом защиты. Напротив расположился прокурор — грузный мужчина с красным лицом, который даже не удосужился достать бумаги из портфеля. Он сидел, развалившись на стуле, и что-то листал в телефоне, всем своим видом демонстрируя: «Я здесь просто для галочки, финал уже написан».

— Встать, суд идёт!

В зал вошла судья — женщина лет пятидесяти с высокой причёской и лицом, лишённым каких-либо эмоций. Мантия сидела на ней как броня. Она села, быстро пробормотала стандартные фразы об открытии заседания, словно читала скороговорку, и посмотрела на часы.

— Ходатайства есть? — спросила она, не глядя на защиту.

Артём встал. Это был его выход. Он готовился. Он провёл две ночи, выверяя каждую формулировку, ссылаясь на пленумы Верховного суда и Конституцию.

— Ваша честь, сторона защиты заявляет ходатайство об исключении из материалов дела протоколов допроса свидетелей под псевдонимами «Иванов» и «Петров», так как они составлены с грубыми нарушениями УПК, содержат идентичные текстовые фрагменты, вплоть до грамматических ошибок, что указывает на их фабрикацию...

Судья даже не подняла глаз от бумаг. — Суд на месте постановил: в удовлетворении ходатайства отказать. Преждевременно. Следующее.

Артём замер на секунду. «Преждевременно»? Речь шла о фальсификации доказательств.

— Ваша честь, — продолжил он, стараясь сохранять ровный тон. — Ходатайство о возвращении дела прокурору. Обвинительное заключение не конкретизировано. Моим подзащитным вменяется «продолжение деятельности запрещённой организации», но не указано, какие именно действия они совершали, кроме совместного чтения Библии, что не запрещено законом...

— Отказать. Необоснованно.

— Ходатайство о приобщении лингвистического заключения независимого специалиста, который опровергает выводы следствия...

— Отказать. У суда нет оснований не доверять экспертизе следствия.

Это было похоже на игру в теннис со стеной. Артём бросал мяч — аргумент, факт, закон. Стена отбрасывала его обратно одним коротким словом: «Отказать».

Девяносто процентов его работы, его бессонных ночей, его логических построений были сметены за пять минут. Судья не слушала. Ей было неинтересно. Она переключала бумаги, поправляла манжеты, смотрела в окно. Для неё это был конвейер. Деталь пришла, штамп поставлен, деталь ушла. Следующая.

Артём сел. Он чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он привык к состязательности. В арбитраже судьи могли быть жёсткими, могли быть коррумпированными, но они хотя бы делали вид, что слушают. Они спорили. Здесь же царила глухая, ватная тишина безразличия.

— Переходим к допросу свидетеля, — объявила судья. — Свидетель под псевдонимом «Иванов» будет допрошен посредством видеоконференцсвязи с изменением голоса в целях обеспечения его безопасности.

В зале оживились. Прокурор наконец отложил телефон.

На большом мониторе, висевшем на стене, появилось изображение: тёмная комната, силуэт человека, сидящего спиной к камере. Капюшон натянут на голову.

— Свидетель, вы слышите суд? — спросила судья.

— Да, слышу, — ответил голос из динамиков. Он был искажён программой, звучал как скрежет металла по стеклу, неестественно низкий и вибрирующий. Эффект был зловещим, словно в зале заговорил робот или демон из дешёвого фильма ужасов.

— Расскажите, что вам известно о деятельности подсудимых.

— Они... они собирались на квартирах, — заговорил «робот». — Читали запрещённую литературу. Обсуждали, как вербовать людей. Говорили, что их вера самая правильная, а остальные погибнут в Армагеддоне.

Артём быстро записывал. Фразы были шаблонными. «Вербовать», «запрещённая литература». Никакой конкретики.

— Ваша честь, разрешите задать вопросы? — Артём встал.

— Задавайте.

Артём подошёл ближе к монитору, вглядываясь в тёмный силуэт.

— Свидетель «Иванов», вы утверждаете, что присутствовали на собраниях. Назовите дату и место последнего собрания, где вы видели моего подзащитного Смирнова.

Пауза. Динамики зашипели.

— Э-э-э... Это было весной. В мае. На квартире у Смирнова.

Артём открыл папку. — В мае какого года?

— Этого года. Двадцать третьего.

Артём почувствовал вкус крови — он прикусил губу, чтобы сдержать хищную улыбку.

— Вы уверены?

— Да, абсолютно. Мы обсуждали Библию. Он читал стихи из Евангелия.

— Ваша честь, — громко произнёс Артём, поворачиваясь к судье. — Прошу занести в протокол. В мае двадцать третьего года мой подзащитный Смирнов находился в стационаре кардиологического отделения городской больницы № 4 после инфаркта. Он физически не мог проводить собрания у себя дома. Справка имеется в томе 2, лист дела 145.

В зале повисла тишина. Прокурор нахмурился. Свидетель на экране заёрзал.

— Свидетель, может быть, вы перепутали дату? — вкрадчиво подсказал прокурор, не вставая с места.

— Да... наверное, — голос «робота» дрогнул. — Это было не в мае. Это было... раньше. В апреле.

— В апреле Смирнов был в командировке в Новосибирске, — отрезал Артём. — Билеты и приказ о командировке также в деле. Свидетель, вы лжёте суду? Или вы просто читаете текст, который вам дали?

— Вопрос снят! — резко оборвала судья. — Защита, не давите на свидетеля. Он находится в стрессовой ситуации, опасается за свою жизнь.

— Опасается за жизнь? — Артём повысил голос. — Кого? Людей, которые обсуждают Евангелие и лечат сердце? Ваша честь, свидетель путается в показаниях. Он не может назвать ни одной верной даты. Это фикция.

— Замечание защите, — ледяным тоном произнесла судья. — Ещё одно слово в таком тоне, и я удалю вас из зала. Свидетель, продолжайте. Что именно они говорили о государстве?

Артём сел, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Это был не суд. Это был театр. Театр теней, где фигуры на экране имели больше веса, чем документы с печатями. Судья спасала свидетеля. Прокурор подсказывал ему ответы. А люди в клетке смотрели на это с тихим ужасом, понимая, что их судьба решается кем-то, кто даже не смотрит им в глаза.

В этот момент Артём почувствовал на себе чей-то взгляд. Тяжёлый, изучающий.

Он медленно повернул голову. В заднем ряду, там, где обычно сидят скучающие студенты-юристы или случайные зеваки, сидели двое мужчин. Они не были похожи на родственников. Одеты в неприметные серые куртки, короткие стрижки. У одного на коленях лежал блокнот. Он не смотрел на судью. Он не смотрел на «аквариум». Он смотрел прямо на Артёма.

Их взгляды встретились. Мужчина не отвёл глаз. Он что-то коротко записал в блокнот, не прерывая зрительного контакта.

Холодок пробежал по спине Артёма. Кто это? Сотрудники Центра «Э»? Оперативники ФСБ? Или те самые «активисты» из РАЦИРС, о которых он читал в интернете? Они вели себя как хозяева положения. Они не прятались, но и не афишировали себя. Они просто фиксировали.

Артём отвернулся, но ощущение липкого взгляда на затылке осталось. Ему вдруг стало невыносимо душно в этом зале. Стены, казалось, сдвигались. Голос искажённого свидетеля, монотонное бубнение судьи, тишина в «аквариуме» — всё это слилось в один давящий гул.

— Объявляется перерыв на пятнадцать минут, — неожиданно сказала судья, словно почувствовав, что напряжение достигло предела.

Артём вылетел в коридор первым. Ему нужен был воздух. Ему нужно было что-то настоящее.

Он достал телефон. Руки слегка дрожали. Не от страха — от адреналина и бессилия. Он набрал номер.

— Алло? Пап?

Голос Софии прорвался сквозь шум в голове, как луч света.

— Привет, Соф, — Артём прижал телефон к уху, закрыв глаза. — Ты где?

— Дома. Уроки делаю. Математику. Ты скоро?

— Я... я пока на работе. У меня суд.

— Ты какой-то странный, — в её голосе прозвучала настороженность. Дети чувствуют ложь лучше любого полиграфа. — Что-то случилось?

Артём оглянулся. Те двое в серых куртках вышли из зала и стояли у окна в конце коридора. Они курили, о чём-то тихо переговариваясь. Один из них кивнул в сторону Артёма.

— Нет, всё хорошо, — быстро сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Просто устал. Сложное дело.

— А ты приедешь на выходных? Мы хотели в парк.

— Конечно. Обязательно. Соф... — он запнулся. — Дверь закрыта?

— Пап, ну ты опять? — она вздохнула. — Закрыта. На оба замка. И сигнализация включена. Ты же сам проверял утром по приложению.

— Да. Прости. Я просто... просто хотел услышать твой голос.

— Ты точно в порядке?

— Точно. Люблю тебя, Соф.

— И я тебя. Пока.

Он нажал отбой. Экран погас, но тревога не ушла. Наоборот, она стала острее. Разговор получился натянутым, фальшивым. Он врал дочери, что всё под контролем, стоя в коридоре суда, где контроль был у людей с закрытыми лицами и изменёнными голосами.

Он посмотрел на мужчин у окна. Они больше не смотрели на него. Они потеряли к нему интерес, словно убедившись в чём-то. Или, наоборот, записав его в какой-то свой список.

К Артёму подошла Марина. Её лицо было серым. — Кто это был? — шёпотом спросила она, кивнув на экран в зале, который теперь был чёрным. — Этот свидетель... Он говорил вещи, которых никогда не было. Мы никогда не говорили про Армагеддон так... как про угрозу. Мы говорили про надежду. Почему он врёт?

— Потому что ему сказали врать, — жёстко ответил Артём. — Или потому что он боится. Или потому что он вообще не знает ваших мужей и читает по бумажке.

— И судья ему верит?

— Судья делает вид, что верит. Это часть ритуала.

— Что нам делать?

Артём посмотрел на дверь зала заседаний. Там, внутри, продолжался спектакль. Спектакль, где роли были расписаны, а финал утверждён. Но он был адвокатом. Его роль заключалась в том, чтобы ломать сценарий. Даже если режиссёр против.

— Мы вернёмся туда, — сказал он, убирая телефон во внутренний карман, ближе к сердцу. — И мы будем ловить их на каждом слове. Мы заставим их ошибаться. Мы зафиксируем каждую ложь.

— Зачем? — в глазах Марины стояли слёзы. — Если они всё равно осудят?

— Затем, что это не конец, — Артём вспомнил вырванные страницы в деле. — Это только первый акт. И мы должны оставить следы. Чтобы потом, когда этот морок спадёт, никто не смог сказать: «Мы не знали».

Он снова посмотрел на мужчин в серых куртках. Теперь он знал, что они — не просто зрители. Они — часть декорации, которая может ожить в любой момент.

— Идёмте, — сказал он. — Перерыв окончен.

Артём толкнул тяжёлую дверь и шагнул обратно в душный полумрак зала. Он чувствовал себя канатоходцем, который вышел на проволоку без страховки. Внизу была пропасть, а в темноте кто-то уже подпиливал опоры. Но где-то там, за

пределами этого театра абсурда, его ждала София. И ради неё он должен был пройти этот путь, не упав.

Судья уже сидела на месте, постукивая ручкой по столу. — Продолжаем, — бросила она, не глядя на вошедших. — Свидетель, вы на связи?

— Да, — прохрипел механический голос.

Артём сел за стол, открыл блокнот и написал одно слово: «*Ложь*». Потом подумал и добавил: «*Страх*».

Это были два кита, на которых держался этот процесс. И Артёму предстояло выяснить, какой из них сильнее.

В этот момент экран монитора мигнул, и на долю секунды, из-за сбоя связи или ошибки оператора, искажение голоса пропало. — ...да я не помню точно, что там было в тексте... — произнёс обычный, человеческий, растерянный голос. Молодой. Почти детский.

Судья резко подняла голову. Прокурор дёрнулся. Экран погас и тут же загорелся снова. — Технический сбой, — бесстрастно объявила судья. — Продолжаем.

Артём переглянулся с Мариной. Они оба это слышали. За маской монстра скрывался кто-то напуганный и жалкий. Кто-то, кого тоже сломали, чтобы он стал частью этой стены.

Артём обвёл взглядом зал. Тени сгущались. Но теперь он знал: даже в театре теней источник света существует. И если найти его, тени исчезнут.

Он поднял руку. — Ваша честь, у меня есть ещё вопросы к свидетелю.

Битва с тенью началась.

Глава 4: За несколько дней до суда

Тишина в офисе была обманчивой. Она казалась плотной, ватной, но стоило Артёму пошевелиться, как она рассыпалась на тысячи мелких звуков: гудение

сервера в углу, шум далёкого лифта, стук собственного сердца, отдающийся в висках. На часах было три ночи. Время, когда город за окном превращался в декорацию, а реальность сужалась до пятна света от настольной лампы.

Перед Артёмом лежали три стопки документов. Слева — дело мужа Лидии. Справа — дело мужа Марины. По центру — распечатки из других похожих процессов, которые он успел найти в закрытых адвокатских базах за последние двое суток.

Он искал систему. В хаосе абсурдных обвинений, в бреде свидетельских показаний должен был быть скелет. И он его нашёл.

Скелет назывался «Комплексная психолого-лингвистическая религиоведческая экспертиза».

Артём потерял уставшие глаза. В арбитражных судах экспертиза была царицей доказательств. Оценка активов, строительный аудит, почерковедение — это была математика, точная наука. Если эксперт ошибался, его уничтожали перекрёстным допросом, ловили на формулах, на методиках.

Здесь же он столкнулся с чем-то иным.

Он взял верхний документ из центральной стопки. «Заключение эксперта № 148/23». Подписано комиссией из трёх человек.

— Так, посмотрим, кто у нас вершит судьбы, — пробормотал Артём, придвигая ноутбук.

Первая фамилия: *Круглов В.И., стаж работы по специальности 15 лет.* Специальность: «Педагог-психолог». Артём вбил имя в поисковик. Через минуту он смотрел на страницу средней школы в спальном районе. Круглов В.И. числился там учителем математики и по совместительству социальным педагогом. Ни одной научной публикации по психологии религии. Ни одной статьи в рецензируемых журналах.

Вторая фамилия: *Зубова Т.Н., политолог, культуролог.* Поиск выдал профиль в социальной сети. Женщина средних лет на фоне ковра, репосты кулинарных рецептов и... агрессивные патриотические демотиваторы. В графе образование — заочное отделение провинциального института культуры. Тема диплома: «Фольклорные традиции в современном празднике».

Третья фамилия: *Сидоров А.А., религиовед*. Этот оказался интереснее. Артём нашёл его имя в списке сотрудников некоего «Центра социокультурной безопасности». Не академический институт, не университетская кафедра. НКО с мутным финансированием и сайтом, дизайн которого застрял в начале нулевых.

— Учитель математики, тамада и сотрудник частной лавочки, — резюмировал Артём, чувствуя, как закипает холодная злость. — И эти люди решают, является ли чтение Библии экстремизмом.

Он начал сравнивать тексты. Он положил рядом экспертизу по делу в Ростове, датированную прошлым годом, и свежую экспертизу по делу мужа Марины.

Текст совпадал. Не просто по смыслу. Он совпадал дословно. Целые абзацы, страницы, заполненные псевдонаучной терминологией, были скопированы.

«Анализ литературы показывает использование методов нейролингвистического программирования, направленных на подавление воли адепта...» — гласил текст в ростовском деле. *«Анализ литературы показывает использование методов нейролингвистического программирования, направленных на подавление воли адепта...»* — вторило ему московское заключение.

Даже опечатка в слове «адепт» — в одном месте было написано «адепта», в другом, видимо, при неудачном копировании, осталось «адеп».

Это была не наука. Где-то существовал шаблон, «рыба», которую рассылали по регионам. Местные «эксперты» — учителя, библиотекари, лояльные системе люди — просто ставили свои подписи, получая за это гонорар из бюджета. Им не нужно было читать материалы дела. Им не нужно было изучать литературу. Ответ был известен заранее.

Артём открыл раздел «Выводы». Здесь цинизм достигал апогея.

«Проведённый анализ предоставленной религиозной литературы не позволил однозначно выявить наличие экстремистского содержания, призывающего к насилию», — писал эксперт.

Артём моргнул. Если не выявил, то в чём обвинение?

Но дальше шло: *«Однако, утверждение об истинности собственной религии и ложности других верований содержит скрытые признаки пропаганды исключительности, что формирует негативный образ представителей иных конфессий и, следовательно, является экстремистской деятельностью».*

Артём откинулся в кресле. Логическая петля затянулась.

— Если я говорю, что мой кофе самый вкусный, я оскорбляю любителей чая, — произнёс он в пустоту. — Если я говорю, что моя жена самая красивая, я унижаю всех остальных женщин. Если я верю в Бога, я автоматически становлюсь преступником, потому что считаю, что атеисты ошибаются.

Это было уничтожение самой сути веры. Любой веры. Но применялось это лекало избирательно. Только к тем, на кого указали пальцем.

Он потянулся к дневнику. Пальцы привычно легли на клавиатуру, выбивая дробь.

«26 октября. Фабрика экспертиз. Я нашёл источник заражения. Это не юридическая ошибка, это сознательная подмена понятий. Они используют наукообразный язык — «когнитивный диссонанс», «индуктивный психоз», «манипуляция сознанием» — чтобы придать вес пустоте. Это карго-культ науки. Они строят самолёт из соломы и палок и требуют, чтобы суд признал его Боингом».

Артём остановился. В голове всплыло воспоминание. Недавнее.

Флэшбек

Кухня в квартире бывшей жены. Светлый, уютный интерьер, который Артём оплатил, но в котором больше не жил. София сидела за столом, низко опустив голову над тарелкой с супом. Её плечи едва заметно вздрагивали.

— Соф, ну что случилось? — Артём сидел напротив, чувствуя себя беспомощным гигантом в стране лилипутов. — Двойка?

Она мотнула головой. — Тройка. По литературе.

— Ну, тройка — это не конец света. Исправишь.

— Ты не понимаешь! — она подняла заплаканное лицо. — Я выучила! Я рассказала стихотворение лучше всех! Без запинки! А Петров читал по бумажке, и ему поставили пять.

— Почему? — нахмурился Артём. Обострённое чувство справедливости было у неё от него.

— Потому что Марья Ивановна сказала, что я читала «без души». Что я не поняла «глубину страданий автора». А Петров... его мама в родительском комитете. Она подарила учительнице цветы утром.

Артём помнил, как внутри него всё сжалось. Он хотел пойти в школу, устроить скандал, разнести эту Марью Ивановну в пух и прах, используя весь свой адвокатский арсенал. Но он понимал, что это смешно.

— Послушай, София, — он взял её за руку. — Иногда взрослые бывают неправы. Иногда оценки не отражают твоих знаний. Главное — что ты сама знаешь правду. Ты выучила? Ты старалась?

— Да.

— Значит, ты молодец. А оценка в журнале — это просто чернила. Она не делает тебя хуже.

— Но это нечестно! — выкрикнула она. — Она учительница! Она должна быть честной!

— Должна, — согласился он, чувствуя горечь на языке. — Но мир сложнее, чем школьные правила. Иногда приходится быть сильным, даже когда с тобой поступают несправедливо.

Тогда ему казалось, что он дал мудрый совет. Теперь, сидя в ночном офисе, он понимал, насколько наивным это было.

«Оценка в журнале — это просто чернила».

Артём посмотрел на заключение эксперта. Здесь тоже были просто чернила. Но эти чернила превращались в решётки. В колючую проволоку. В годы жизни, вычеркнутые из биографии.

Учительница литературы поставила тройку, потому что ей так захотелось. Эксперт ставил клеймо «экстремист», потому что получил заказ. Механизм был тем же, только ставки выросли до небес.

Артём вернулся к документам. Ему нужно было понять, откуда растут ноги у этой псевдонауки. Он начал гуглить цитаты из экспертизы.

Поисковик привёл его на РАЦИРС — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект. Президент — Александр Дворкин.

Артём слышал эту фамилию. Одиозная фигура, мелькавшая в ток-шоу. Но он никогда не воспринимал его всерьёз. Казалось, это просто городской сумасшедший, борющийся с ветряными мельницами.

Теперь, читая статьи на сайте, Артём понимал, что ошибался. Это был не сумасшедший. Это был идеолог.

Он читал статью за статьёй, и волосы на затылке начинали шевелиться.

«Секта — это раковая опухоль...», «Они не придают значения жизни...», «Тоталитарные секты стремятся к мировому господству...».

Язык. Артёма поразили язык. Это была не терминология учёного. Это была лексика войны. Лексика дегуманизации.

В одной из статей Дворкин прямо заявлял, что любой человек может называть организацию сектой без страха наказания и что юридическое определение здесь излишне, так как они бы проиграли такие дела в суде.

— Вот оно, — прошептал Артём. — Признание.

Они знали, что по закону проиграют. Поэтому они придумали свой язык, свои термины — «тоталитарная секта», «деструктивный культ». Этих понятий не было в Уголовном кодексе. Но они внедрились в сознание судей, прокуроров, обывателей.

Артём открыл файл с историческими заметками. Он часто делал это, когда нужно было найти параллели.

«Германия, 1930-е годы. Апологетический центр Вальтера Кюннета. Задача: научное обоснование антисемитизма. Евреи объявлялись не просто «другими», а биологической угрозой. Использовались термины из медицины: «паразиты»,

«бациллы», «опухоль». Это позволяло отключить моральные тормоза у исполнителей. Уничтожать людей сложно. Уничтожать опухоль — благородно».

Он перевёл взгляд на текст экспертизы. *«...высасывают соки из общества...», «...зомбируют людей...», «...угроза национальной безопасности...».*

Параллель была пугающе точной. Дворкин и его сеть РАЦИРС выполняли ту же функцию, что и ведомство Кюннета. Они создавали «научную» базу для репрессий. Они расчеловечивали жертву.

Артём нашёл информацию о том, что Дворкин связан с Йоханнесом Огордом, датским антикультистом. А тот, в свою очередь, был связан с идеологами, работавшими ещё в Третьем рейхе. Цепочка преемственности тянулась сквозь десятилетия, не прерываясь.

— Четвёртый рейх, — записал Артём в дневник. — Он строится не на танках. Он строится на экспертизах.

Он представил себе этих людей. Дворкина с его горящими глазами. Экспертов-недоучек, подписывающих бумаги не глядя. Судей, которые принимают этот бред как истину в последней инстанции.

Это была система коллективной безответственности. Эксперт кивал на методичку РАЦИРС. Следователь кивал на эксперта. Прокурор кивал на следователя. Судья кивал на всех сразу. И в конце этой цепочки стоял человек, которого отправляли в колонию на шесть лет за то, что он читал книгу.

Артём почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он встал и подошёл к окну. Город спал. Миллионы людей спали, уверенные, что если они не нарушают закон, то они в безопасности.

«Какая чудовищная наивность», — подумал он.

В этом лабиринте не было стен. Стены рисовали эксперты. Сегодня стена здесь, завтра — там. Сегодня ты добропорядочный гражданин, завтра — адепт деструктивного культа, потому что какой-то учитель математики решил, что твоя вера «недостаточно традиционна».

Артём вернулся к столу. Он вытащил из папки ещё один документ. Это был список литературы, признанной экстремистской.

Среди брошюр и книг он увидел названия, которые казались безобидными. «Чему на самом деле учит Библия?», «Секрет семейного счастья». т

Он вспомнил, как Марина рассказывала ему о муже. «Он стал лучше, когда начал изучать Библию. Бросил пить, перестал ругаться матом. Стал больше времени проводить с сыном».

Экспертиза называла это «разрушением личности» и «отрывом от социальных норм».

— Значит, пить и бить жену — это социальная норма, — горько усмехнулся Артём.
— А читать с ребёнком книжки — это экстремизм.

Он понял, что юридическими методами эту стену не пробить. Если он принесёт в суд рецензию настоящего доктора наук, судья её отклонит. Потому что суд — это часть той же системы. Суду не нужна правда. Суду нужно обоснование приговора. И «фабрика экспертиз» поставляла эти обоснования в промышленных масштабах.

Но Артём был упрям. Рациональность, которая была его щитом, теперь превращалась в меч. Если они играют в псевдонауку, он разберёт их «науку» на атомы.

Он начал составлять схему. В центре — РАЦИРС. От него стрелки к Минюсту, к экспертным советам, к конкретным фамилиям экспертов в регионах. Он рисовал связи, отмечал даты публикаций, находил перекрёстные ссылки.

Это была карта вируса. Вируса, который поражал логику и совесть.

Внезапно его взгляд зацепился за одну деталь в биографии Дворкина. Председатель Экспертного совета при Минюсте с 2009 года. Именно тогда начались массовые запреты литературы.

— Заказчик и исполнитель в одном лице, — прошептал Артём. — Он сам объявляет, что опасно, и сам же это экспертирует. Идеальная замкнутая система.

Он работал до рассвета. Глаза болели, спина затекла, но он не мог остановиться. Каждая новая найденная деталь, каждая скопированная фраза в экспертизах добавляла штрих к картине тотального безумия.

Когда солнце коснулось шпилей московских высоток, Артём закрыл ноутбук. Он чувствовал себя так, словно провёл ночь в морге, вскрывая труп правосудия.

Он знал, что делать дальше. Он не сможет переубедить судью. Но он сможет показать абсурдность обвинения так, что это станет очевидно даже слепому. Он подготовит вопросы экспертам. Такие вопросы, на которые невозможно ответить, не признавшись в некомпетентности или лжи.

«Скажите, эксперт Круглов, какую именно методику вы использовали для определения истинности религии? Формулу дискриминанта?»

Артём грустно улыбнулся. Это будет слабая месть, но это всё, что у него было.

Он собрал документы в портфель. Нужно было ехать домой, принять душ, переодеться. И снова в бой.

Выходя из кабинета, он бросил взгляд на фотографию Софии.

— Я объясню тебе разницу между правдой и ложью, малышка, — тихо сказал он.

— Но боюсь, тебе не понравится этот урок.

В лифте он снова достал телефон. Проверил новости. Очередной рейд в Сибири. Очередные задержания. «Обезврежена ячейка экстремистов».

Артём знал, что стоит за этими заголовками. Выбитые двери. Испуганные старики. Плачущие дети, у которых забирают планшеты в розовых чехлах.

И всё это — на основании бумажки, подписанной учителем математики, который скопировал текст из интернета.

Он вышел на улицу. Утренний воздух был холодным и свежим, но Артём не мог отделаться от ощущения, что дышит отравленным газом. Газом лжи, который невидим, без запаха, но убивает медленно и верно.

Он сел в машину. Ему предстояла встреча с семьями обвиняемых. Не в суде, не в офисе. Он хотел увидеть тех, кого экспертиза назвала «источником опасности».

Он хотел посмотреть в глаза «раковой опухоли».

Артём завёл двигатель. Руки на руле сжались. Он ещё не знал, что то, что он увидит в домах этих людей, разрушит его рациональную броню быстрее, чем любые юридические парадоксы. Бумажный террор был страшен. Но последствия этого террора в глазах ребёнка были куда страшнее.

Лабиринт вёл его дальше, в самую тьму. И Артём нажал на газ.

Глава 5: Дети врагов народа

Дождь, который преследовал Артёма последние дни, сменился мелкой, колючей моросью. Она оседала на лобовом стекле его внедорожника, превращая мир в размытую акварель серых тонов. Навигатор вёл его прочь от центра, от сияющих витрин и широких проспектов, вглубь спальных районов, где панельные многоэтажки стояли плотными рядами, словно бетонные надгробия чьим-то несбывшимся надеждам.

Артём Левин привык встречаться с клиентами на своей территории. В переговорной с видом на Кремль, где подавали эспрессо и где стены были обиты звукопоглощающими панелями. Там было безопасно. Там царил закон — или, по крайней мере, его дорогая имитация.

Но сегодня он ехал к Марине. После того фарса в суде, после механического голоса «засекреченного свидетеля» и ледяного равнодушия судьи, Артём понял, что не может больше прятаться за стопками бумаг. Ему нужно было увидеть место преступления. Не того, в котором обвиняли мужей его клиенток, а того, которое совершила система против них.

Он припарковался у подъезда с облупившейся краской. Домофон не работал — дверь была подпёрта кирпичом. В нос ударил запах сырости и кошачьей мочи, смешанный с запахом жареного лука. Обычный подъезд обычной жизни, которая теперь была разрушена.

Марина открыла дверь почти мгновенно, словно стояла за ней всё это время. Она выглядела ещё хуже, чем в суде. Тени под глазами стали чернильными, руки мелко дрожали.

— Проходите, Артём Сергеевич. Простите, у нас... беспорядок. Мы пытались убрать, но...

Артём шагнул в прихожую и сразу понял, о чём она. Это был не бытовой беспорядок. Это были следы вторжения. Обои в коридоре были надорваны, плинтус

отодран и лежал сбоку, из шкафа-купе вывалены вещи. Книги, одежда, детские игрушки — всё было свалено в кучу, которую Марина, видимо, просто не успела разобрать.

— Они искали тайники, — тихо сказала она, перехватив его взгляд. — Вскрывали полы. Разрезали диван.

— Кто проводил обыск? — спросил Артём, доставая блокнот, хотя знал ответ из протоколов. Ему нужно было услышать это от неё. Услышать интонацию.

— Следователь и оперативники. И ещё... спецназ. В масках, с автоматами.

Она провела его на кухню. Там уже сидела Лидия, сжимая в руках чашку с чаем так, словно это был единственный тёплый предмет во вселенной.

— Расскажите мне, как это было, — попросил Артём, садясь на табурет. — Не для протокола. Для меня.

Марина села напротив, обхватив себя руками за плечи.

— Было шесть утра. Мы спали. Сначала был звонок, но такой... длинный, настойчивый. Муж пошёл открывать, спросил: «Кто там?». Ему ответили: «Открывайте, полиция, или будем ломать». Он только успел повернуть замок, как дверь распахнулась ударом.

Она замолчала, глядя в одну точку.

— Они влетели внутрь, кричали. Сбили мужа с ног. Я выбежала из спальни в ночнушке, дети проснулись... Денис, мой сын, ему двенадцать. Он выскочил в коридор, а там человек в чёрном, в шлеме, тычет ему автоматом в лицо и орёт: «На пол! Лицом в пол, сука!».

Артём перестал писать. Ручка замерла над бумагой.

— Двенадцатилетнему ребёнку?

— Да. Они всех положили. Меня, мужа, Дениса. Младшая, Аня, ей семь, она забилась под одеяло и кричала. К ней подошёл один, сдёрнул одеяло и сказал: «Заткнись, а то папу больше не увидишь».

В кухне повисла тишина, нарушаемая только гудением старого холодильника. Артём представил себе эту картину. Раннее утро, темнота, сонные, тёплые дети —

и чёрные фигуры, пахнувшие улицей и оружейным маслом, врывающиеся в их мир. Это была не следственная процедура. Это была акция устрашения. Демонстрация абсолютной власти и абсолютной жестокости.

— Они перевернули всё, — продолжила Марина глухим голосом. — Искали экстремистскую литературу. Нашли Библию. Нашли открытки, которые дети рисовали папе на день рождения. Там были цветы и цитаты про любовь. Следователь бросил их в пакет для улик и сказал: «Вот это пойдёт как вещдок вербовки».

— А потом? — спросил Артём.

— Потом мужа увели. Он даже не успел попрощаться. Нам не разрешили подойти. А когда они ушли... — Марина всхлипнула, но сдержалась. — Когда они ушли, я увидела, что Денис сидит в углу и раскачивается. Он не плакал. Он просто смотрел в стену.

— Где сейчас Денис? — спросил Артём. Он хотел поговорить с мальчиком, узнать, что тот запомнил. Дети часто замечают детали, которые упускают взрослые.

Марина подняла на него глаза, полные отчаяния.

— Его нет.

— В школе?

— Нет. Он... он сбежал. Вчера вечером.

Артём почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Вы заявили в полицию?

— Я боюсь, — прошептала она. — Я боюсь звонить в полицию. Те же люди, которые забрали его отца... Если они найдут его, они могут забрать и его. В детский дом. Они угрожали этим во время обыска. Сказали: «Вас, сектантов, лишат прав, а выродков ваших сдадим в приют, там из них дурь выбьют».

— Марина, — Артём подался вперёд, его голос стал жёстким. — Ребёнок на улице. Один. Вы должны заявить.

— Он оставил записку, — вмешалась Лидия. Она достала из кармана сложенный листок бумаги в клеточку.

Артём развернул его. Детский почерк, неровные буквы, местами размытые, видимо, слезами.

«Мама, не ищи меня. Я спрячусь. Если я буду дома, они вернутся и заберут и тебя. Это я виноват. Я открыл дверь в прошлый раз, когда приходила соседка, и она увидела, что мы читаем. Я всё испортил. Я не хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму. Я буду жить на чердаке, как партизан. Люблю тебя. Денис».

Артём перечитал записку дважды. «Я виноват». «Как партизан».

Мальчик двенадцати лет взял на себя вину за то, что государственная машина решила раздавить его семью. Он решил, что его исчезновение спасёт мать. В его детской голове сложилась чудовищная логика: он — источник опасности.

Артём вспомнил Софию. Вспомнил, как она боялась темноты, как просила оставлять дверь приоткрытой. Представил её одну, в холодном городе, прячущуюся на чердаке от «людей в чёрном».

Ему стало физически дурно. К горлу подступил ком.

— Мы найдём его, — сказал он, убирая записку в карман. — Я подключу частных детективов. Не полицию. Мы найдём его тихо.

— Спасибо, — выдохнула Марина.

— Но это ещё не всё, — сказала Лидия. Её голос был твёрдым, в нём звучала злость, которая приходит, когда страх выгорает дотла. — Вы должны знать, что происходит в школе. Это не менее страшно, чем обыск.

— Рассказывайте.

— Моя внучка, Катя, учится в третьем классе. До всего этого она была отличницей. Учительница, Елена Петровна, всегда её хвалила. Ставила в пример. А на следующий день после ареста моего зятя... всё изменилось.

Лидия сжала кулаки.

— Катя пришла домой в слезах. Елена Петровна вызвала её к доске и начала спрашивать не по уроку. Она спросила при всём классе: «Катя, а правда, что твой папа — преступник? Правда, что он враг государства?».

— Педагог? — не поверил Артём. — Публично?

— Да. Дети начали смеяться. Кто-то крикнул «сектантка». На перемене с ней никто не играл. А потом... потом начался ад. В родительском чате, где я тоже состою, начали писать такое...

Лидия достала телефон, открыла WhatsApp и протянула Артёму.

Он начал читать.

«Надо писать коллективное письмо директору. Почему наши дети должны учиться с дочерью экстремиста?» «Она может быть опасна. Вдруг она принесёт бомбу или отраву?» «У них мозги промыты. Это заразно. Надо изолировать её от нормальных детей». «Я слышала, они пьют кровь младенцев на своих собраниях. Ужас!»

Сообщения сыпались одно за другим. Сотни сообщений от людей, которые ещё вчера здоровались с Лидией у ворот школы. Обычные мамы и папы, обсуждавшие подарки на Новый год, теперь превратились в стаю, готовую растерзать ребёнка.

— Я пошла к директору, — продолжила Лидия. — Думала, она остановит это. Но она даже не посмотрела на меня. Сказала: «У нас есть негласное указание из департамента. Присматривать за детьми из таких семей. Они в группе риска. Если будут жалобы от родителей, нам придётся перевести Катю на домашнее обучение. Или рассмотреть вопрос о передаче в опеку».

— Указание? — переспросил Артём. — Письменное?

— Нет, конечно. По телефону. Но учителя боятся. Им сказали, что если они будут лояльны к «сектантам», их уволят за пособничество.

Артём вернул телефон. Экран погас, но ядовитые слова продолжали гореть в его памяти.

Это была не просто травля. Это была системная изоляция. Технология расчеловечивания. Сначала объявляют врагами взрослых. Потом делают изгоями детей. Учителя, которые должны защищать, становятся надзирателями. Соседи становятся доносчиками.

— Вчера Катя нашла в своём рюкзаке записку, — тихо добавила Лидия. — Там было написано: «Сдохни, тварь». И нарисована виселица.

Артём закрыл глаза. Он видел перед собой лицо своей дочери. София, которая переживала из-за тройки. София, для которой самой большой трагедией была ссора с подружкой.

Что, если бы на месте Кати была она? Смог бы он защитить её от этого? От ненависти, которая просачивается сквозь стены школы, сквозь экраны телефонов, сквозь взгляды прохожих?

Он понял, что его юридическая защита — это фикция. Он может разбить аргументы прокурора, может найти ошибки в экспертизе. Но он не может отменить приказ «фас», отданный обществу. Он не может заставить учительницу быть человеком, если она боится за своё место.

— Артём Сергеевич? — позвала Марина.

Он открыл глаза.

— Я понял, — сказал он. Голос звучал хрипло. — Это... это важные факты. Давление на детей — это форма пытки. Мы будем использовать это. Мы подадим жалобы в прокуратуру, уполномоченному по правам ребёнка.

— Они помогут? — с надеждой спросила Марина.

Артём не мог ей врать. Не здесь, на этой кухне, пропитанной горем.

— Я не знаю. Система защищает сама себя. Но мы должны фиксировать каждый такой случай. Каждое слово учителя. Каждую угрозу в чате. Это доказательства геноцида. Не юридического, а социального.

Он встал. Ему нужно было уйти. Воздух в этой квартире был слишком плотным, слишком тяжёлым. Он давил на плечи, мешал дышать.

— Я займусь поиском Дениса прямо сейчас, — пообещал он. — Дайте мне его фото. Свежее.

Марина ушла в комнату и вернулась с фотографией. На ней был улыбающийся мальчик с футбольным мячом. Обычный подросток. В глазах — ни фанатизма, ни угрозы. Только жизнь.

Артём взял фото.

— Держитесь. Не отдавайте детей в школу пока. Возьмите больничный. Пусть сидят дома. Здесь безопаснее, чем там.

Выходя из подъезда, он снова попал под дождь. Но теперь вода не смывала грязь, а словно размазывала её по всему миру.

Он сел в машину, бросил портфель на соседнее сиденье и вцепился в руль. Руки тряслись.

— Дети врагов народа, — прошептал он.

Фраза из учебников истории ожила. 1937 год вернулся, только вместо «чёрных воронок» теперь были полицейские «Газели», а вместо партийных собраний — родительские чаты в WhatsApp. Суть осталась прежней: если ты не с нами, ты не человек. И твои дети — не дети, а «биоматериал», подлежащий выбраковке.

Артём завёл мотор, но не тронулся с места. Он достал телефон и открыл галерею. Фото Софии. Она смеётся, поедая мороженое.

Внезапно на экран упала капля. Артём понял, что это не дождь. Это он плакал. Впервые за двадцать лет. Скупые, злые мужские слёзы бессилия.

Он вытер лицо рукавом пиджака.

— Я найду этого мальчика, — сказал он своему отражению в зеркале заднего вида.

Ночь пришла быстро, но сон не приносил облегчения. Артём ворочался на широкой кровати в своей пустой квартире, которую он всегда считал крепостью. Теперь тишина давила на уши.

Когда он наконец провалился в забытье, его накрыл кошмар. Тот самый, что ходил за ним по пятам, но теперь он стал чётким, детализированным, как кадры документальной хроники.

Он стоял в коридоре. Длинном, казённом, выкрашенном в тошнотворный зелёный цвет. Лампы дневного света гудели и мигали. Дверей не было, только одна — в самом конце. Железная, с маленьким глазком.

Артём знал, что за ней. Он рванулся вперёд, но ноги были ватными, словно он бежал по пояс в воде.

Он распахнул дверь.

Комната была пустой. Бетонный пол, серые стены. Посредине стоял стол, привинченный к полу, и два стула. На столе — яркая лампа, направленная в лицо тому, кто сидит напротив.

Там сидела София.

Она была в школьной форме, но белая блузка была грязной, а бант в волосах развязался. Её ноги не доставали до пола, болтаясь в воздухе. Руки лежали на столешнице, и Артём с ужасом увидел, что они дрожат.

Напротив неё не было следователя. Стул был пуст. Но голос звучал отовсюду, из стен, из потолка. Голос без интонаций, механический, как у того свидетеля в суде.

— Признавайся, — гремел голос. — Твой отец учил тебя ненавидеть Родину?

— Нет, — пискнула София. Слёзы текли по её щекам, оставляя светлые дорожки на чумазом лице. — Папа хороший. Папа юрист.

— Твой папа защищает врагов, — отрезал голос. — Значит, он сам враг. А ты — дочь врага. Ты знаешь, что делают с такими детьми? Их стирают.

— Папа! — закричала она, глядя прямо на Артёма, но не видя его. Её глаза были полны животного ужаса. — Папа, заведи меня! Мне страшно! Здесь холодно!

Артём попытался крикнуть «Я здесь!», но из горла вырвался только хрип. Он бросился к ней, хотел обнять, закрыть собой от слепящего света лампы.

Но как только он коснулся её плеча, она рассыпалась. Превратилась в серый пепел, который тут же подхватил сквозняк и унёс в темноту.

На стуле осталась лежать только её любимая мягкая игрушка — заяц с оторванным ухом. И рядом — листок бумаги в клеточку.

Артём схватил листок. На нём детским почерком было написано: *«В этом лабиринте детей не спасают. Их используют как наживку».*

Артём проснулся от собственного крика. Он сидел на кровати, мокрый от пота, сердце колотилось так, что казалось, сейчас сломает рёбра.

За окном светало. Серый, безрадостный рассвет над Москвой.

Образ плачущей Софии в комнате для допросов стоял перед глазами так ярко, словно это было реальностью. Артём понимал: это не просто сон. Это предупреждение.

Он встал, подошёл к окну и прижался лбом к холодному стеклу.

Где-то там, в холодном городе, прятался двенадцатилетний Денис. Где-то там просыпалась Катя, боясь идти в школу. Где-то там спала София, пока ещё не знающая, что мир взрослых объявил войну детям.

Артём сжал кулак. Стекло жалобно скрипнуло.

— Вы перешли черту, — прошептал он. — Вы тронули детей. Теперь никаких правил.

Он ещё не знал, как именно он будет бороться. Но он знал одно: рациональный юрист Артём Левин умер этой ночью. В этой пустой комнате родился кто-то другой. Кто-то, кто готов сжечь лабиринт дотла, лишь бы вывести из него детей.

Он пошёл в душ, чтобы смыть липкий страх кошмара. Вода была горячей, но внутри него оставался холод. Холод, который теперь станет его оружием.

День обещал быть долгим. И Артём знал, с чего он начнёт. Он начнёт с поиска тех, кто отдавал приказы учителям. Он пойдёт по цепочке вверх. И если эта цепочка приведёт его в ад, он спустится туда с открытыми глазами.

Глава 6: Конструкторы ненависти

Тишина в офисе на двадцать третьем этаже была обманчивой. Обычно в три часа ночи Москва за панорамными окнами казалась спящим зверем, но сегодня Артём чувствовал, как этот зверь дышит ему в затылок. На столе перед ним лежала не просто груда бумаги — это была анатомия катастрофы, разобранный на органы.

Артём потерял воспалённые глаза. Кофеин уже не действовал, сердце билось в рваном, неприятном ритме, но остановиться он не мог. То, что начиналось как защита двух конкретных людей от абсурдных обвинений, за последние часы

трансформировалось в нечто куда более масштабное. Он дернул за ниточку, торчащую из плохо сшитого дела, и вместо того, чтобы оторвать пуговицу, начал распарывать саму ткань реальности.

На двух мониторах были открыты десятки вкладок. Слева — материалы уголовных дел из разных регионов: Сургут, Омск, Владивосток. Справа — переводы иностранных статей, сайты общественных организаций и методические пособия для сотрудников правоохранительных органов.

Артём искал первоисточник.

Его не отпускала мысль о том, что тексты экспертиз и обвинительных заключений, написанные в разных концах страны, звучат как один голос. Голос механический, лишенный человеческих интонаций, но пугающе последовательный.

Он открыл файл, который скачал с закрытого форума следователей через аккаунт знакомого бывшего опера. Документ назывался нейтрально: «Методические рекомендации по выявлению и пресечению деятельности деструктивных религиозных объединений». Без грифа секретности, но и не для широкой публики.

Артём начал читать, и с каждой страницей его брови ползли вверх.

Текст был странным. Он был написан на русском, но это был «нерусский» русский. Синтаксис ломался, фразы выглядели как кальки с английского или немецкого. Термины, которые использовались в методичке — «контроль сознания», «бомбардировка любовью», «культульная зависимость», — отсутствовали в российском правовом поле. В Уголовном кодексе РФ не было статьи за «зомбирование». В законе «О свободе совести» не было понятия «деструктивный культ».

Но в этой методичке они были аксиомой.

— Откуда вы это взяли? — прошептал Артём, выделяя желтым маркером абзац о «психологическом насилии».

Он скопировал кусок текста и загнал его в поисковик, но не в Яндекс, а в Google, ограничив поиск англоязычным сегментом.

Результат появился мгновенно.

Это был дословный перевод брошюры американской организации, специализирующейся на «депрограммировании» — насильственном выводе людей из новых религиозных движений. Брошюра датировалась началом девяностых.

Артём откинулся в кресле. Картина начинала проясняться.

Следователи в российской глубинке, расследующие дела об экстремизме, руководствовались не Конституцией своей страны и не постановлениями Пленума Верховного суда. Они работали по шпаргалкам, написанным маргинальными активистами из США и Европы тридцать лет назад.

— Ирония судьбы, — горько усмехнулся Артём. — Нас убеждают, что мы боремся с иностранным влиянием, используя при этом худшие образцы иностранной пропаганды.

Он продолжил копать. Ссылки в методичке вели на сайт организации с аббревиатурой РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект.

Артём зашел на сайт. Дизайн из начала нулевых и бесконечные списки «врагов». Но за фасадом скрывалась мощная инфраструктура.

В разделе «Партнеры» значилась FECRIS — Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве. Артём проверил эту организацию. Штаб-квартира во Франции. Финансирование непрозрачное. Репутация скандальная: их неоднократно обвиняли в разжигании религиозной ненависти и нарушении прав человека в европейских судах.

И именно эта структура, как выяснилось, была «головным офисом» для российских борцов с сектами.

Артём открыл схему, которую начал рисовать в блокноте. В центре он написал РАЦИРС. От него шли стрелки к региональным «сектоведам» — тем самым учителям и культурологам, которые штамповали экспертизы. А сверху, над РАЦИРС, нависала тень международной сети.

Это был франчайзинг ненависти.

Технология была гениальной в своей простоте. Где-то в Париже или Орхусе разрабатывался идеологический вирус: концепция, согласно которой любая группа,

не вписывающаяся в мейнстрим, объявлялась «раковой опухолью». Этот вирус упаковывался в псевдонаучную оболочку, переводился на русский язык и спускался вниз — в кабинеты следователей, в кафедры теологии, в церковные структуры.

Артём понял, почему экспертизы были такими одинаковыми. Местные исполнители не думали. Они просто заполняли формы, присланные «сверху». Им дали конструктор Lego и сказали: «Соберите монстра». И они собирали, не задавая вопросов, потому что к конструктору прилагался грант или премия.

Но для уголовного дела нужны были не только теории. Нужны были потерпевшие.

Артём переключился на папку «Свидетели».

В деле Лидии и Марины потерпевших не было — статья формальная. Но в других делах, которые он изучал для сравнения, фигурировали люди, якобы пострадавшие от деятельности организации.

Он открыл протокол допроса гражданки Н. из дела в Кирове. *«Я потеряла квартиру, здоровье и семью из-за влияния секты...»* — гласили показания.

Артём вбил её фамилию в базу судебных решений. И замер.

Та же самая гражданка Н., с теми же паспортными данными, проходила потерпевшей по делу в Белгороде два года назад. И по делу во Владивостоке — год назад.

— Она что, телепортируется? — спросил Артём у пустого кабинета.

Он начал сверять даты. Согласно протоколам, в октябре 2019 года эта женщина одновременно «подвергалась психологической обработке» в двух городах, расположенных в пяти тысячах километров друг от друга.

Это были профессиональные потерпевшие. Гастролеры.

Артём нашел еще несколько таких фамилий. Группа лиц, кочующая из процесса в процесс. Они давали показания под копирку, рассказывая леденящие душу истории о том, как их «зомбировали». Их истории были полны штампов из дешевых триллеров: гипноз, наркотики в чае, тайные ритуалы. Никаких доказательств, только слова. Но судам этого было достаточно.

Артём почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Это была не просто коррупция. Это была постановка. Грандиозный спектакль, где роли распределены заранее. Есть «злодеи» — обычные верующие. Есть «жертвы» — штатные провокаторы. Есть «эксперты» — идеологические фанатики. И есть «режиссеры» — люди из РАЦИРС и их кураторы в погонах, которые дергают за ниточки.

Он вспомнил лица мужей Лидии и Марины. Растерянные, интеллигентные лица людей, которые всю жизнь работали, платили налоги и воспитывали детей. Они попали в жернова не потому, что совершили преступление. А потому, что системе нужен был «внутренний враг».

Враг удобный. Враг, который не сопротивляется. Враг, на которого можно списать все беды и на борьбе с которым можно получить новые звезды на погоны.

Флэшбек

Воспоминание накрыло его внезапно, как волна.

Это было два года назад, еще до развода. Воскресное утро. София сидела на ковре в гостиной и строила город из деревянных кубиков. Это был сложный, хаотичный город, где башня принцессы соседствовала с гаражом для машинок.

Артём пил кофе, наблюдая за ней. — Пап, смотри, это стена, — сказала она, ставя длинный ряд кубиков. — От кого стена? — спросил он. — От драконов. — А драконы злые? София задумалась, наматывая прядь волос на палец. — Не знаю. В мультике они злые. А в книжке, которую мама читала, дракон был добрый, просто у него зуб болел.

Артём улыбнулся. — Значит, стену строить не обязательно? Может, лучше вылечить дракону зуб?

София посмотрела на него с той серьезностью, которая бывает только у детей, постигающих устройство мира. — Нет, пап. Стену надо строить. Потому что рыцарям нужна работа. Если дракона вылечить, что рыцари будут делать?

Тогда он рассмеялся, поразившись детской мудрости. «Рыцарям нужна работа».

Сейчас, глядя на схему связей РАЦИРС, Артём не смеялся.

«Рыцари» создали себе дракона. Они слепили его из лжи, фальшивых экспертиз и подставных свидетелей. Им не нужно было лечить общество. Им нужна была война, потому что война — это бюджеты, полномочия и власть.

Артём открыл свой электронный дневник. Ему нужно было сформулировать то, что он понял. Слова помогали структурировать хаос.

«28 октября

Сегодня я нашел чертежи лабиринта. Он не возник стихийно. Его спроектировали. Я вижу аббревиатуру РАЦИРС — это узловой центр, диспетчерская вышка этой катастрофы.

Они занимаются программированием. Программированием общества на ненависть. Они берут нейтральную группу людей и методично, шаг за шагом, превращают их в монстров в глазах обывателя.

Это технология. Отработанная, циничная, эффективная. Сначала — дегуманизация через СМИ («они не люди, они зомби»). Затем — псевдонаучное обоснование угрозы через карманных экспертов. И, наконец, — судебная легализация репрессий.

Самое страшное открытие: это конвейер. Мы пытаемся остановить его, хватаясь за шестерёнки голыми руками, ломая пальцы, но механизм слишком огромен. Он работает на энергии страха. И топливо для него поставляют из-за рубежа, те самые организации, которые якобы борются за свободу разума».

Артём перечитал написанное. Курсор мигал, как пульс умирающего.

Он понял, что его стратегия защиты была наивной. Он пытался доказать невиновность клиентов, опираясь на факты. Но факты здесь не имели значения. Против него играли не юристы. Против него играли идеологи.

Если он принесет в суд справку о том, что «потерпевшая Н.» была в другом городе, судья просто не приобщит ее к делу. Потому что судья — тоже часть механизма. Может быть, неосознанная, но послушная.

Артём встал и подошел к окну. Город внизу начинал просыпаться. Редкие машины чертили мокрый асфальт фарами.

Он чувствовал себя археологом, который раскопал древнее захоронение и понял, что чума, убившая этих людей, все еще жива. И споры этой чумы уже в воздухе.

Внезапно экран его телефона загорелся. Входящее сообщение. Номер скрыт.

Артём напрягся. В три часа ночи сообщения от скрытых номеров редко приносят хорошие новости.

Он взял телефон.

«Артём Сергеевич, вы слишком глубоко копаете. В архивах РАЦИРС много пыли, можно задохнуться. Подумайте о здоровье. Своем и близких».

Артём замер. Холод пробежал по спине, но это был не страх. Это было подтверждение.

Он попал в точку. Его поисковые запросы, его активность в базах данных — все это отслеживалось. Он разворошил осиное гнездо, и осы вылетели наружу.

Он не стал отвечать. Он сделал скриншот сообщения и отправил его в облачное хранилище, доступ к которому был только у него.

— Значит, я прав, — тихо сказал он отражению в темном стекле. — Вы боитесь. Вы боитесь, что кто-то увидит ниточки, за которые вы дергаете.

Он вернулся к компьютеру. Усталость исчезла. Вместо нее пришла холодная, расчетливая концентрация хирурга, готовящегося к сложнейшей операции.

Теперь он знал врага в лицо. Это был не безликий «режим». Это была конкретная сеть людей с именами, фамилиями и счетами. Александр Дворкин, эксперты-самозванцы, гастролирующие «жертвы».

Артём создал новую папку на рабочем столе.

Он начал скачивать все. Статьи, видео выступлений, финансовые отчеты РАЦИРС, которые удалось найти в открытом доступе. Он сохранял кэшированные страницы сайтов, которые могли удалить завтра. Он строил досье на каждого участника этой схемы.

Если они хотят войны, они ее получают. Но это будет не война эмоций. Это будет война документов.

Он вспомнил Софию. Ее вопрос: «Папа, а нас тоже могут забрать?»

Теперь он знал ответ. Да, могут. Потому что для этих архитекторов нет «своих» и «чужих». Есть только инструменты и цели. И если для достижения цели нужно перемолоть судьбу десятилетней девочки или успешного адвоката — они сделают это не моргнув глазом.

Артём посмотрел на фотографию дочери, стоящую на столе. В ее взгляде было доверие. Доверие к миру, который он, ее отец, обещал сделать безопасным.

— Я разрушу их замок, Соф, — прошептал он. — Даже если он построен из бетона. Я найду несущую стену и выбью ее.

Он снова сел за клавиатуру. Ему нужно было подготовить ходатайство о вызове в суд тех самых «экспертов». Но теперь он будет задавать им другие вопросы. Он не будет спрашивать о религии. Он будет спрашивать о деньгах, о связях с РАЦИРС, о плагиате в методичках.

Он заставит их потеть. Он заставит их лгать под протокол. И когда они начнут путаться, вся конструкция начнет шататься.

Но где-то на краю сознания билась тревожная мысль. Сообщение с угрозой было только первым звонком. Система, которую он разоблачал, не прощала любопытства. Она защищала себя агрессивно, как иммунитет атакует вирус. И сейчас вирусом был он, Артём Левин.

Он закрыл ноутбук. Темный экран отразил его лицо — бледное, с жесткой складкой у губ.

Лабиринт изменился. Теперь это был не просто юридический тупик. Это было минное поле. И он только что сделал шаг с тропы.

Артём выключил настольную лампу. Офис погрузился в темноту, но он не спешил уходить. Он сидел в тишине, прислушиваясь к звукам здания. Ему казалось, что он слышит, как где-то далеко, в недрах этой бетонной коробки, начинают вращаться гигантские шестерни того самого конвейера, о котором он писал в дневнике.

И этот звук приближался.

Он встал, надел пиджак, проверил, лежит ли в кармане телефон. Выходя из кабинета, он на секунду задержался у двери. Интуиция, отточенная годами

практики, шептала ему, что, когда он вернется сюда в следующий раз, все будет по-другому.

Граница между «работой» и «жизнью» стерлась окончательно. Теперь он был не наблюдателем. Он был мишенью.

Артём шагнул в коридор, навстречу лифту, который должен был спустить его в реальный мир. Но он знал, что реальный мир уже никогда не будет прежним. Тени в углах стали гуще, и у каждой тени теперь было имя.

Двери лифта закрылись с мягким шипением, отрезая его от безопасной гавани офиса. Цифры на табло побежали вниз: 23, 22, 21...

Спуск в ад начался.

Глава 7: Тень за спиной

Дождь в Москве в ноябре — это не погода, это состояние души. Он не смывает грязь, а превращает город в акварель, написанную грязной водой. Артём стоял у окна своего офиса, глядя вниз, на Садовое кольцо, которое в этот час напоминало гигантскую артерию, забитую красными и белыми тромбами автомобильных фар.

Стекло было холодным. Артём прижался к нему лбом, пытаясь остудить мысли, которые метались в голове, как птицы в горящей клетке.

Внизу, у самого въезда на подземную парковку бизнес-центра, стояла серая «Шкода Октавия». Она стояла там вчера вечером. Она стояла там сегодня утром, когда он приехал. И она всё ещё была там. Номера были забрызганы грязью — классический, до пошлости банальный приём, чтобы затруднить идентификацию по камерам. Внутри никого не было видно, стёкла тонированы наглухо, вопреки всем ГОСТам.

— Паранойя, — произнёс Артём вслух. Слово прозвучало глухо в пустом кабинете.

Он пытался включить своего внутреннего критика, того самого рационального юриста, который выигрывал безнадёжные арбитражи. «Это центр Москвы, Артём.

Здесь тысячи машин. «Шкода» — самая популярная модель такси и корпоративного транспорта. То, что ты видишь одну и ту же машину два дня подряд, — это статистическая вероятность, а не заговор».

Но инстинкт, древний, животный инстинкт, который проснулся в нём после изучения материалов дела Лидии и Марины, кричал об обратном. Это была не статистика. Это был надзор.

Артём отошёл от окна и вернулся к столу. На мониторе был открыт черновик жалобы в прокуратуру на действия следователя. Курсор мигал, требуя слов, но слова не шли. Вместо юридических формулировок в голове крутилась одна и та же мысль: они знают, что я копаю под РАЦИРС.

Телефон на столе ожил, завибрировав с резким, неприятным звуком, от которого Артём вздрогнул. Номер не определялся. Просто пустота на экране.

Он смотрел на телефон секунд десять, прежде чем ответить.

— Слушаю.

— Артём Сергеевич? — голос был мужским, спокойным, с бархатными, почти отеческими нотками. Это не был механический скрежет «засекреченного свидетеля». Это был голос человека, который уверен в своей правоте и силе.

— Кто это?

— Доброжелатель. Знаю, звучит старомодно, но суть отражает верно. Мы тут наблюдаем за вашей активностью... Впечатляет. Столько энергии, столько бессонных ночей.

Артём нажал кнопку записи разговора, хотя понимал, что это бесполезно. Такие люди не звонят с номеров, которые можно отследить.

— Представьтесь, — сухо сказал он. — Или я кладу трубку.

— Не стоит, Артём Сергеевич. Не стоит бросать трубку, когда речь идёт о будущем. О вашем будущем. И не только о вашем.

Пауза была выверенной, театральной.

— У вас ведь замечательная дочь. София, верно? Умница, красавица. Ходит в гимназию с углублённым изучением языков. Рисует.

Холод, который Артём чувствовал у окна, теперь проник внутрь, сковав лёгкие.

— Если вы хоть пальцем... — начал он, но голос перебил его, всё так же мягко и вежливо.

— Ну что вы, что вы. Мы же не бандиты какие-то. Мы цивилизованные люди. Мы просто переживаем. Дети сейчас такие хрупкие. Мир такой опасный. Машины ездят быстро, на улицах скользко, хулиганы всякие... А вы так заняты этим бесперспективным делом. Тратите время на защиту людей, которые предали наши традиции, нашу веру. Зачем вам это? Подумайте о дочери. Ей нужен отец. Здоровый, успешный, свободный отец. А не тот, кто борется с ветряными мельницами и случайно попадает под жернова.

— Это угроза? — Артём сжал телефон так, что побелели костяшки.

— Это совет, Артём Сергеевич. Дружеский совет. Бросьте это дело. Займитесь чем-то полезным. Корпоративные споры, банкротства... Там деньги, там уважение. А здесь — только грязь. И тень. Не заходите в тень, Артём Сергеевич. Там можно потеряться.

Гудки. Короткие, частые, как пульс загнанного зверя.

Артём медленно опустил руку с телефоном. В кабинете было тихо, но в ушах стоял шум крови. Они упомянули Софию. Они знали про гимназию. Они знали про рисование.

Он схватил куртку и вылетел из кабинета. Ему нужно было убедиться. Прямо сейчас.

Лифт спускался вечно. Артём выбежал на улицу, игнорируя дождь, который тут же начал хлестать его по лицу. Он направился к своей машине, припаркованной в дальнем углу.

Сев за руль, он первым делом заблокировал двери. Руки дрожали, когда он вставлял ключ в зажигание. Он посмотрел в зеркало заднего вида. Серая «Шкода» стояла на месте.

Артём резко вывернул руль и ударил по газам. Внедорожник рванул с места, вклиниваясь в поток. Он не поехал домой. Он поехал в сторону района, где жила его бывшая жена и дочь.

Он петлял по переулкам, резко перестраивался, проезжал на мигающий жёлтый. Он проверял «хвост». «Шкоды» видно не было, но это ничего не значило. Их могло быть несколько. Они могли передавать его по цепочке.

Внезапно реальность поплыла. Свет фар встречных машин превратился в длинные, размытые полосы, и Артём провалился в воспоминание.

Флэшбек

Это было полгода назад. Обычный вечер пятницы. Он забрал Софию из школы, и они поехали в торговый центр купить ей новые кроссовки.

Парковка была огромной, полутёмной, с гулким эхом. Они шли к машине, София что-то весело рассказывала про одноклассника, который принёс в школу хомяка. Артём слушал вполуха, проверяя рабочую почту на ходу.

Вдруг он почувствовал взгляд.

Он резко обернулся. Метрах в тридцати, за бетонной колонной, стоял человек. Лица не было видно — капюшон толстовки скрывал всё. Человек просто стоял и смотрел на них.

Артём остановился. Человек сделал шаг в их сторону.

В этот момент рациональный мозг отключился. Включился инстинкт.

— Пап? — спросила София, заметив, что он замер.

— Быстро в машину, — скомандовал он. Голос прозвучал чужим, хриплым.

Он схватил её за руку. Не взял, а именно схватил — жёстко, всей ладонью сжимая её маленькую кисть.

— Папа, мне больно! — вскрикнула она, пытаясь вырваться.

— Молчи и иди! — рявкнул он, дёрнув её на себя.

Они побежали. Артём тащил её за собой, почти волок. София спотыкалась, хныкала, её кроссовки шаркали по бетону.

— Папа,пусти! Ты делаешь мне больно!

Он не слышал. В его голове билась только одна мысль: «Успеть. Заккрыть. Спрятать». Тот человек за колонной мог быть просто наркоманом, ищущим дозу. Мог быть кем угодно. Но Артём видел в нём угрозу абсолютного масштаба.

Они добежали до машины. Артём распахнул заднюю дверь, буквально забросил дочь внутрь и захлопнул дверь. Прыгнул за руль, заблокировал замки.

Только тогда он посмотрел туда, где стоял человек.

Там никого не было. Пустота. Только бетонная колонна и нарисованная жёлтая стрелка на полу.

Артём обернулся назад. София сидела в углу, прижимая к груди свою руку. В её глазах было непонимание. Страх. Но не перед тем человеком. Перед ним.

— Соф, прости... — выдохнул он, чувствуя, как его накрывает волна стыда. — Я просто... мне показалось...

Вечером Артём ехал домой возвращаясь в реальность. Дождь барабанил по крыше. Он стоял на светофоре. Руки так сильно сжимали руль, что пальцы онемели. Точно так же, как тогда, на парковке.

«Я делаю Софии больно, пытаюсь защитить», — подумал он. Эта мысль была острее любого ножа.

Он подъехал к дому бывшей жены, но не стал заезжать во двор. Он остановился на противоположной стороне улицы, погасив фары.

Окна квартиры на третьем этаже светились тёплым, жёлтым светом. Там была жизнь. Там София, наверное, делала уроки или смотрела мультики. Там было безопасно.

Артём перевёл взгляд ниже.

У подъезда, прямо под фонарём, стояла машина. Не «Шкода». Тёмно-синий «Форд». Но внутри сидел человек. Огонёк сигареты вспыхивал и гас в темноте салона.

Артём почувствовал, как внутри всё обрывается.

Они не просто следили за ним. Они взяли под колпак всех.

Он хотел выйти. Хотел подойти к этому «Форду», вытащить водителя и разбить ему лицо. Ярость, чёрная и горячая, затопила сознание. Но он знал, что это именно то, чего они ждут. Провокация. Нападение на сотрудника при исполнении (а у этого водителя наверняка есть «корочка»). Арест. СИЗО. И тогда София останется совсем без защиты.

Артём сидел в машине, глядя на окна дочери, и понимал, что он — радиоактивен. Он стал источником опасности для тех, кого любил больше жизни. Его присутствие рядом с ними теперь было токсичным.

Он достал телефон. Набрал номер бывшей жены.

— Алло? Артём? — голос Лены был настороженным. Они общались редко и сухо.

— Что-то случилось? Ты не приедешь в субботу?

— Нет, Лен. Не приеду.

— Почему? София ждёт. Ты обещал ей кино.

— У меня... командировка. Срочная. В Питер. Сложный клиент.

— Опять? — в голосе зазвучало раздражение. — Артём, ты не видел её две недели. Она скучает. Она спрашивает, почему папа всё время занят.

— Лен, послушай меня внимательно, — перебил он её, стараясь говорить ровно. — Это важно. Проверь замки. Включи сигнализацию. И... не отпускай её одну в школу. Провожай до дверей. И встречай.

— Что? — тон Лены изменился. — Артём, во что ты вляпался?

— Ни во что. Просто... просто меры предосторожности. Время сейчас такое.

— Ты меня пугаешь. Это связано с твоими новыми клиентами? С этими... сектантами?

— Нет. Это связано с моей работой. Просто сделай, как я прошу. Пожалуйста.

— Ладно. Но ты должен сам объяснить это Софии. Она рядом.

Артём закрыл глаза. Это было самое сложное.

— Дай ей трубку.

Через секунду он услышал звонкий, родной голос: — Папа! Ты уже едешь? Мы купили попкорн!

Сердце Артёма пропустило удар. Он представил её лицо — сияющие глаза, улыбку с ямочками на щеках.

— Привет, малыш. Прости, я... я не смогу приехать.

Тишина. Мгновенная, оглушающая тишина на том конце провода.

— Почему? — голос стал тихим, потухшим.

— Меня отправляют в командировку. Работать надо. Дяди в костюмах очень просят помочь.

— Ты всегда работаешь, — в голосе появились слёзы. — Ты обещал! Ты сказал: «Зуб даю»!

— Я знаю, Соф. Я виноват. Я привезу тебе... привезу тебе самый большой набор красок, какой найду. Хорошо?

— Мне не нужны краски! — крикнула она. — Мне нужен ты! Ты врешь! Ты просто не хочешь меня видеть!

— София, нет, это не так...

— Не хочу с тобой разговаривать!

Звук удара телефона о диван, потом какие-то шорохи, и голос Лены: — Ты идиот, Левин. Просто идиот.

Гудки.

Артём опустил телефон. Он сидел в темноте, слушая шум дождя и гудки в трубке. Он только что своими руками разрушил маленький мир своей дочери. Он заставил её плакать. Он заставил её чувствовать себя брошенной.

Но он сделал это, чтобы спасти её.

Он посмотрел на «Форд» у подъезда. Огонёк сигареты снова вспыхнул. Наблюдатель никуда не делся. Но теперь, если Артём не будет появляться здесь, у них будет меньше поводов давить на семью. Он должен стать призраком для своей дочери, чтобы она осталась в безопасности.

«Это и есть цена», — подумал он. — «Входной билет в лабиринт стоит твоей души».

Артём завёл двигатель и медленно отъехал от тротуара. Он не мог оставаться здесь. Ему нужно было вернуться в свою пустую, холодную квартиру, где единственными собеседниками были документы и страх.

По дороге домой он заметил, что «Шкода» снова появилась в зеркале заднего вида. Она держалась на дистанции, не скрываясь. Это была демонстрация силы. «Мы здесь. Мы всегда здесь».

Артём заехал на подземную парковку своего дома. Ворота медленно закрылись за ним, отрезая от внешнего мира. Он заглушил мотор, но выходить не спешил.

В тишине салона он достал свой электронный дневник. Ему нужно было выплеснуть этот яд, иначе он разъест его изнутри.

«7 ноября. Тень за спиной.

Сегодня я понял, что граница стёрта. Больше нет «работы» и «личной жизни». Есть только война. Они используют самое подлое оружие — любовь к детям. Они знают, что рациональный человек уязвим именно там, где заканчивается логика и начинаются чувства.

Я солгал дочери. Я сказал ей, что занят работой, хотя на самом деле я занят выживанием. Её слёзы — это моя вина. Но если я продолжу, этих слёз будет больше. А если остановлюсь... если я остановлюсь, то предам не только Лидию и Марину. Я предам саму идею того, что закон может защищать.

Звонивший сказал: «Не заходите в тень». Но он ошибся. Тень уже здесь. Она сидит на заднем сиденье моей машины. Она стоит у подъезда моей дочери. Она дышит мне в затылок.

Я чувствую себя канатоходцем, который идёт над пропастью, а снизу ему кричат, что канат перерезан. Но я не могу повернуть назад. Потому что на том конце каната — не только мои клиенты. Там теперь и София. Если я упаду, система сожрёт и её, просто чтобы преподать урок другим».

Артём закрыл файл. Он вышел из машины, и звук захлопнувшейся двери прозвучал как выстрел в бетонном бункере парковки.

Он шёл к лифту, прислушиваясь к эху своих шагов. Ему казалось, что шагов больше, чем должно быть. Словно кто-то идёт след в след.

Он резко остановился и обернулся.

Никого. Только ряды спящих машин и гудение вентиляции.

Но ощущение присутствия не исчезло. Оно стало плотнее. Липкий, холодный страх, который теперь будет с ним всегда.

Артём вошёл в лифт и нажал кнопку своего этажа. Пока кабина поднималась, он смотрел на своё отражение в зеркале. Усталое лицо, тёмные круги под глазами, жёсткая складка у губ. Это было лицо человека, который готовится к осаде.

Он вошёл в квартиру, не включая свет. Подошёл к окну.

Внизу, у подъезда, стояла серая «Шкода».

Артём прислонился лбом к стеклу.

— Вы хотите, чтобы я боялся? — прошептал он в темноту. — Я боюсь. Я чертовски боюсь. Но вы забыли одну вещь. Страх за ребёнка делает родителя не слабым. Он делает его опасным.

Он вспомнил, как сжимал руку Софии на парковке. До боли. До синяков.

Теперь он сжимал невидимое горло системы. И он не разожмёт пальцы, даже если ему самому будет больно.

Он отошёл от окна и направился на кухню. Налил стакан воды, но пить не стал. Вместо этого он достал из портфеля папку с материалами дела.

То, что он нашёл в документах вчера, выходило за рамки простого преследования верующих. Это была технология. Технология, которую обкатывали на безобидных людях, чтобы потом применить её...

Артём замер. Мысль, которая мелькала на периферии сознания, вдруг оформилась в чёткую, страшную догадку.

Если они так легко ломают жизни своих граждан, используя фальшивые экспертизы и страх, то что мешает им применить это оружие против целых народов?

Он посмотрел на папку. Там, внутри, лежали ответы. Ответы, которые могли стоить ему жизни. Но теперь, когда тень стояла за его спиной, у него не было выбора. Он должен был узнать, для чего на самом деле строится этот лабиринт.

Артём включил настольную лампу. Круг света выхватил из темноты первый лист документа.

— Ну что ж, — сказал он тишине. — Давайте посмотрим, насколько глубока эта кроличья нора.

Ночь только начиналась. И в этой ночи он был уже не один. Тень за спиной сделала шаг вперёд.

Глава 8: Полигон

Свет в съёмной квартире на окраине, которую Артём снял на подставное имя, был тусклым и жёлтым. Он намеренно выбрал это место: старая хрущёвка, где соседям нет дела друг до друга, а стены пропитаны запахом чужих, давно прожитых жизней. Здесь не было панорамных окон, как в его офисе, и не было ощущения, что город лежит у его ног. Здесь город нависал над ним бетонной плитой.

На кухонном столе, покрытом клеёнкой в мелкий цветочек, лежали распечатки. Но на этот раз это были не протоколы допросов и не псевдонаучные экспертизы по делу Лидии и Марины.

Слева лежала стопка материалов по «Свидетелям Иеговы». Справа — свежие новостные сводки, касающиеся политической оппозиции и внешнеполитической риторики, особенно в отношении соседних стран.

Артём взял маркер. Его рука замерла над бумагой. Он чувствовал себя дешифровщиком, который вдруг понял, что разные радиостанции передают один и тот же код, просто на разных частотах.

В обвинительном заключении по делу верующих из Сургута значилось: *«Действовали в интересах иностранной организации, подрывая духовные скрепы и суверенитет...»*

В статье прокремлёвского политолога о ситуации в Украине говорилось: *«Действуют под диктовку западных кураторов, разрушая нашу культурную идентичность и суверенитет...»*

Артём провёл линию.

В экспертизе РАЦИРС утверждалось: *«Используют манипулятивные техники для вербовки адептов, превращая их в послушное орудие против государства».*

В репортаже федерального канала о протестных митингах звучало: *«Используют технологии цветных революций для зомбирования молодёжи, превращая их в инструмент разрушения государственности».*

Ещё одна линия.

Термины совпадали. Синтаксис совпадал. Даже эмоциональная окраска — смесь безразличия и тревоги — была идентичной.

Артём отложил маркер и потёр виски. В голове складывалась картина, от которой становилось холодно даже в натопленной кухне.

Он долго считал, что преследование верующих — это эксцесс исполнителя, результат лоббирования церковных структур или просто бюрократическая инерция. Ему казалось, что это локальная ошибка системы, сбой в матрице. Но теперь, глядя на эти параллели, он понимал: это не ошибка. Это функция.

— Это полигон, — произнёс он вслух.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и лязгающее.

Свидетели Иеговы были идеальными кандидатами для краш-теста. Закрытая группа. Пацифисты, которые не возьмут в руки оружие. Люди, которые не голосуют и держатся особняком. Их никто не любит, их мало кто понимает. Если отработать технологию лишения прав на них, общество промолчит. Общество даже кивнёт: «Ну, они же странные, они же сектанты».

Артём встал и подошёл к окну. За грязным стеклом виднелся двор, заставленный машинами.

— Вы проверяли подвеску, — прошептал он, обращаясь к невидимым архитекторам этого процесса. — Вы смотрели, выдержит ли шасси, если проехать по живым людям. Выдержало. Никто не вышел на улицы. Суды штампуют приговоры. СМИ молчат.

В настоящее время, после того как технология прошла все необходимые стадии тестирования и доработки, а механизм «дегуманизации» (расчеловечивания) был тщательно отлажен и проверен на практике, начался его масштабный процесс распространения и внедрения.

Ярлык «экстремист», приклеенный к бабушке, читающей Библию, ничем не отличался от ярлыка «нацист», который теперь клеили на целые народы. Механика была той же: найти отличие, объявить его угрозой, дегуманизировать носителя этого отличия, а затем — уничтожить. Юридически, социально, а если понадобится — и физически.

Артём вернулся к столу. Ему нужно было подтверждение. Его юридический ум требовал верификации гипотезы. Он не был историком, он был практиком. Ему нужен был кто-то, кто видит временную перспективу.

Он вспомнил имя, которое мелькало в старых записных книжках отца. Исаак Борисович Штерн. Историк, специалист по тоталитарным режимам XX века. Когда-то он преподавал в университете, но пару лет назад его «попросили» уйти на пенсию за излишнюю принципиальность в трактовке архивных документов.

Артём нашёл номер. Гудки шли долго, словно пробиваясь сквозь толщу времени.

— Слушаю, — голос был скрипучим, но ясным.

— Исаак Борисович? Это Артём Левин. Сын Сергея Левина.

— Артём... — пауза. — Помню. Мальчик с шахматами. Ты стал адвокатом, если не ошибаюсь? Защищаешь капитал?

— Сейчас я защищаю людей, Исаак Борисович. И мне очень нужно с вами поговорить. Не о праве. О истории.

— История сейчас — опасная наука, Артём. Она имеет свойство кусать тех, кто её ворошит. Но приезжай. Я варю неплохой кофе, хотя врачи и запрещают.

Квартира Штерна напоминала библиотеку, в которой случайно поставили диван. Книги были везде: на полках, на столе, стопками на полу. Пахло старой бумагой и крепким табаком, хотя хозяин не курил при госте.

Исаак Борисович, маленький, сухонький старик с живыми, пронизательными глазами за толстыми линзами очков, слушал Артёма не перебивая. Артём говорил долго. Он выкладывал всё: про экспертизы, про методички, переведённые с английского, про тождественность риторики. Он говорил о своей теории «полигона».

Когда Артём замолчал, Штерн снял очки и начал протирать их краем клетчатой рубашки.

— Ты умный мальчик, Артём, — сказал он тихо. — Но ты открыл Америку, которая давно нанесена на карты. Просто эти карты спрятаны в спецхране.

Старик встал, подошёл к одной из полок и вытащил тонкую серую брошюру.

— Германия, 1933 год. Знаешь, с чего всё началось? Не с лагерей. И даже не с витрин магазинов. Всё началось со слов. С юридических определений.

Он положил брошюру перед Артёмом. Это была копия какого-то немецкого декрета.

— Сначала они ввели понятие «Schutzhaft» — защитный арест. Людей забирали не за преступление, а ради «защиты государства и народа». Звучит знакомо?

Артём кивнул. «Защита конституционного строя» — любимая формулировка прокуроров в его делах.

— Твоя теория про полигон верна, — продолжил Штерн, садясь обратно в кресло.

— Но ты смотришь слишком узко. Свидетели Иеговы — это классическая «канарейка в шахте». Знаешь, зачем шахтёры брали с собой канареек?

— Они чувствительны к метану. Если птица умирает — надо бежать.

— Именно. Тоталитарное мышление не переносит инаковости. Любой. Свидетели Иеговы удобны тем, что они инаковые во всём. Они не признают государственных символов, они лояльны только Богу. Для системы, которая претендует на роль Бога,

это нестерпимо. Поэтому их дают первыми. Но газ уже пошёл, Артём. Канарейка сдохла. А шахтёры... шахтёры продолжают долбить породу, думая, что пронесёт.

Штерн подался вперёд, его лицо стало жёстким.

— Ты заметил, как изменился язык? Это самое важное. Они не говорят «люди». Они говорят «элементы», «ячейки», «агенты». Это лингвистическая анестезия. Прежде чем отрезать ногу, нужно убедить хирурга, что это не часть тела, а гангрена. Твои эксперты из РАЦИРС — это анестезиологи. Они обезболивают совесть общества.

— Но почему именно сейчас? — спросил Артём. — Почему такой масштаб?

— Потому что готовится большая война, — просто ответил Штерн. — Не обязательно с танками, хотя и это возможно. Война за абсолютный контроль. Чтобы вести такую войну, нужен монолит. Внутренний враг должен быть уничтожен, чтобы никто не задавал вопросов, когда начнут уничтожать внешнего. Свидетели Иеговы, оппозиция, ЛГБТ, украинцы — для машины это всё одно и то же. Это «не мы». А кто «не мы», тот не имеет права на существование.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил слова из экспертизы: *«Формируют негативный образ традиционных устоев»*.

— Значит, это не закончится на моих подзащитных?

— Это только начало, — Штерн грустно улыбнулся. — Ты стоишь в начале длинного коридора. И в конце этого коридора — не суд. Там барак.

Артём вышел от историка в сумерки. Город казался враждебным. Огни фонарей расплывались в сыром воздухе, напоминая размытые пятна крови.

Разговор со Штерном не дал ему юридических аргументов. Он дал ему понимание контекста. И это понимание было страшнее любого уголовного кодекса. Он защищал людей не от закона. Он защищал их от исторической неизбежности, от катка, который был запущен задолго до того, как следователь открыл первое дело.

Но Артём Левин не привык сдаваться. Если юридические методы не работают в условиях правового дефолта, нужно использовать другие инструменты.

Гласность.

Он вернулся в свою конспиративную квартиру и сел за ноутбук. Он не писал статей со студенческих времён, но сейчас слова лились из него потоком. Это был не сухой юридический анализ. Это был манифест.

Он назвал статью «Лаборатория расчеловечивания».

Он писал о том, как под видом борьбы с сектами в России отрабатываются технологии подавления любого инакомыслия. Он цитировал экспертизы, сравнивая их с пропагандой 30-х годов. Он описывал судьбы детей, которых травят в школах по негласной указке сверху. Он проводил прямую линию от обысков в квартирах верующих к геополитической агрессии.

«Мы думаем, что это нас не касается, — писал он. — Мы думаем, что если мы не ходим на собрания и не читаем Сторожевую Башню, мы в безопасности. Но мы ошибаемся. Механизм, который сегодня перемалывает Свидетелей Иеговы, универсален. Завтра в него можно загрузить любую социальную группу. Кнопка «Пуск» уже нажата».

Он закончил текст к утру. Перечитал. Это было сильно. Это было опасно. Но это была правда.

Артём составил список адресатов. В него вошли редакторы крупных независимых изданий, с некоторыми из которых он был знаком лично. «Ведомости», РБК, «Коммерсантъ», несколько популярных онлайн-порталов.

Он нажал «Отправить».

Ожидание было мучительным. Он ходил по маленькой кухне, пил остывший кофе и проверял почту каждые пять минут.

Первый ответ пришёл через два часа. От старого знакомого, редактора отдела мнений в крупном деловом издании.

«Тёма, привет. Текст мощный. Очень. Но ты же понимаешь, мы не можем это поставить. У нас акционеры, у нас лицензия. Тема токсичная. Свидетели — это экстремизм. Роскомнадзор заблокирует нас через пять минут после публикации. Извини».

Артём сжал зубы. Ладно. Ожидаемо.

Второй ответ пришёл от либерального портала.

«Артём Сергеевич, спасибо за материал. Мы сочувствуем проблеме, но проводить параллели с геополитикой сейчас... это самоубийство для редакции. Мы готовы взять фактуру по нарушениям УПК, но без обобщений про «полигон» и нацизм. Давайте уберём политику?»

— Убрать политику? — Артём рассмеялся, и смех этот был страшным. — Вы хотите убрать суть. Вы хотите написать про сломанный светофор, когда на перекрёстке танки давят людей.

Третий, четвёртый, пятый отказ.

Формулировки были разными, но смысл один: страх. Никто не хотел связываться с темой «экстремистов». Ярлык работал безупречно. Даже те, кто понимал абсурдность обвинений, боялись запачкаться. Стигма была заразной.

К вечеру Артём понял, что он в вакууме.

Он сидел перед экраном, на котором светился список отказов. Это была стена. Стена молчания, выстроенная не цензурой, а самоцензурой. Журналисты, которые должны были быть сторожевыми псами демократии, поджали хвосты и забились в будки.

«Полигон» сработал. Общество было готово. Оно научилось отводить глаза. Оно научилось оправдывать трусость «здравым смыслом».

Артём закрыл ноутбук. В комнате сгущались сумерки.

Он вспомнил Софию. Вспомнил, как она смотрела на него, когда он объяснял ей, почему нельзя врать.

— Папа, но если все врут, а я говорю правду, значит, я глупая? — спросила она тогда.

— Нет, Соф. Значит, ты смелая.

Сейчас он чувствовал себя не смелым. Он чувствовал себя бесконечно одиноким.

Внезапно телефон завибрировал. Не звонок — сообщение в мессенджере. От Марины.

«Артём Сергеевич, Денис позвонил. Он жив. Он у бабушки в деревне, добрался на попутках. Плачет, просит прощения. Спасибо вам. Если бы не вы, я бы сошла с ума».

Артём выдохнул. В груди, где весь день стоял ледяной ком, что-то оттаяло.

Мальчик жив. Он не в детдоме, не в подвале. Он у бабушки.

Это была маленькая победа. Крошечная искра во тьме. Но этой искры хватило, чтобы Артём снова почувствовал почву под ногами.

Он не смог пробить стену молчания в СМИ. Он не смог убедить общество, что оно стоит на краю пропасти. Но он смог помочь одной матери узнать, что её сын жив.

И это стоило всех отказов мира.

Артём подошёл к зеркалу в прихожей. На него смотрел уставший мужчина с трёхдневной щетиной. В его глазах больше не было блеска успешного карьериста. Там была тяжёлая, мрачная решимость.

— Ладно, — сказал он своему отражению. — Не хотите печатать? Не хотите слышать? Я заставлю вас слушать там, где вы не сможете заткнуть уши.

Суд.

Прения сторон были назначены на послезавтра. Это будет не просто речь защиты. Это будет та самая статья, которую они отказались публиковать. Только теперь она прозвучит под протокол.

Он превратит зал суда в трибуну. Пусть там будет всего три человека — судья, прокурор и секретарь. Но каждое слово будет записано. И эти слова останутся в истории, как те брошюры, которые показывал Штерн.

Артём вернулся к столу. Он отодвинул в сторону отказы редакторов. Он открыл чистый файл.

Заголовок: *«Прения. Черновик».*

Он начал писать. Теперь он писал не для газеты. Он писал для вечности. И для Софии. Чтобы однажды, когда этот морок спадёт, она могла прочитать стенограмму и узнать, что её отец не молчал, когда вокруг все онемели от страха.

Он писал о том, что экстремизм — это не чтение Библии. Экстремизм — это ненависть, возведённая в ранг закона. Он писал о том, что, осуждая невиновных, государство выносит приговор самому себе.

Клавиши стучали в тишине квартиры, как автоматная очередь.

Артём Левин больше не строил иллюзий. Он знал, что приговор уже написан. Он знал, что система не отступит. Но он также знал, что победа в этом процессе измеряется не оправдательным вердиктом. Она измеряется тем, удалось ли сохранить человеческое достоинство перед лицом расчеловечивающей машины.

Он вспомнил слова Штерна: «Канарейка сдохла».

— Может быть, — прошептал Артём. — Но пока я жив, я буду говорить. И эта правда вам не понравится.

За окном начинался новый день. Серый, холодный, но неизбежный. Полигон был готов к финальным испытаниям. И Артём выходил на стартовую позицию, зная, что мишени на его спине нарисованы самой яркой краской.

Но страха больше не было. Была только холодная ярость и понимание: если мы не остановим их здесь, в этом маленьком зале районного суда, завтра этот зал расширится до границ континента.

Он дописал последнюю фразу, поставил точку и закрыл глаза. В темноте под веками он увидел лабиринт. Но теперь он видел его целиком, сверху. И он видел, что стены этого лабиринта сделаны из бумаги. Из страха и лжи.

А бумагу можно сжечь. Или порвать.

Артём открыл глаза. Пора было собираться. Битва за протокол истории начиналась.

Глава 9: Лабиринт без выхода

Зал судебных заседаний номер четыре напоминал аквариум. Окна были закрыты жалюзи, сквозь щели которых пробивался тусклый свет ноябрьского дня, но даже он казался искусственным, профильтрованным через сито городской тоски.

Артём Левин сидел за столом защиты, чувствуя, как деревянная столешница холодит локти сквозь ткань пиджака. Перед ним лежала стопка листов — его речь. Слова, которые он редактировал всю ночь, вымарывая эмоции и оставляя только сухие, режущие факты. Но сейчас, глядя на судью, которая с отсутствующим видом перебирала бумаги, и на прокурора, поправляющего галстук с видом скучающего клерка, Артём понимал: то, что написано на бумаге, не имеет значения для приговора.

Приговор уже лежал где-то в сейфе или в папке «Входящие» на компьютере судьи. Он был написан не здесь. Он был спущен сверху, как директива, как план по заготовке леса.

Но это не значило, что Артём будет молчать.

— Слово для выступления в прениях предоставляется государственному обвинителю, — произнесла судья, не поднимая глаз. Её голос был ровным, лишённым интонаций, словно она объявляла остановку в метро.

Прокурор, молодой мужчина с одутловатым лицом и глазами, в которых давно погас интерес к жизни, тяжело поднялся. Он одёрнул мундир и начал говорить.

Артём слушал, и каждое слово обвинителя падало в тишину зала, как камень в болото. Это была не юридическая речь. В ней не было ссылок на доказанные факты, не было анализа умысла или причинно-следственных связей. Это была проповедь.

— Ваша честь, — вещал прокурор, и голос его набирал силу, наполняясь фальшивым пафосом. — Мы рассматриваем не просто уголовное дело. Мы рассматриваем вопрос национальной безопасности. Подсудимые, прикрываясь религией, создавали угрозу духовным основам нашего общества. Их деятельность, направленная на разрушение традиционных ценностей, является миной замедленного действия.

Артём сделал пометку в блокноте: *«Духовная безопасность — термин отсутствует в УК РФ»*.

— Они внушали своим адептам идею исключительности, — продолжал прокурор, обводя взглядом зал, в котором сидели только родственники обвиняемых и двое тех самых «наблюдателей» в штатском на заднем ряду. — Они противопоставляли

себя государству. Это латентный экстремизм, который страшнее открытого террора, потому что он разъедает души.

«Латентный экстремизм», — мысленно повторил Артём. Идеальная формулировка. Преступление, которого не видно, но которое можно приписать кому угодно. Если ты не маршируешь в ногу — ты латентный экстремист.

Прокурор говорил долго. Он жонглировал словами «секта», «зомбирование», «угроза», «чуждые ценности». Он не привел ни одного примера насилия, ни одного факта призывов к свержению власти. Вместо улик он строил воздушные замки из страха.

— Прошу суд, — закончил он, наконец сбавив тон до делового, — признать подсудимых виновными и назначить наказание в виде лишения свободы сроком на...

Цифры прозвучали как удары молотка. Шесть лет. Семь лет. За чтение книг. За разговоры на кухне.

В зале кто-то тихо всхлипнул. Кажется, это была Марина. Артём не обернулся. Он смотрел на прокурора, который сел на своё место и тут же уткнулся в телефон, словно его миссия была выполнена, и судьба этих людей его больше не касалась.

— Сторона защиты, вам слово, — сказала судья, глядя на часы.

Артём встал.

Он чувствовал на себе взгляды. Взгляд Лидии, полный надежды, которую он не имел права оправдать. Взгляд «наблюдателей», холодный и оценивающий. Взгляд судьи, в котором читалось раздражение: «Давай быстрее, у меня обед».

Артём подошёл к трибуне. Он положил перед собой папку, но не стал её открывать.

Внезапно реальность дрогнула. Стены суда, обшитые дешёвыми панелями под дерево, поплыли, и он увидел другую картину.

Флэшбек

Это было воскресенье, за месяц до того, как он взял это дело. София сидела на полу в своей комнате, окружённая разбросанными карандашами. Она рисовала что-то с усердием, высунув кончик языка.

Артём зашёл к ней, держа в руках чашку какао.

— Что строим, инженер? — спросил он, садясь рядом на ковёр.

София подняла на него серьёзные глаза.

— Это лабиринт, папа. Для мышки.

Артём посмотрел на рисунок. Лист был исчерчен сложной сетью линий. Тупики, повороты, ложные ходы. В центре сидела маленькая серая мышь, а вокруг неё сжимались стены.

— Сложный, — оценил он. — А где выход?

София нахмурилась и ткнула карандашом в край листа.

— Вот здесь был. Но я его закрасила.

— Зачем? — удивился Артём. — Как же мышка выберется?

— Она не должна выбираться, — спокойно ответила дочь. — Это лабиринт без выхода. Если она выберется, её съест кот. А внутри стен безопасно. Она просто будет бегать там вечно.

Артём тогда почувствовал странный холодок. Детская логика была безупречной и пугающей. Тюрьма как спасение. Безысходность как гарантия жизни.

— Но ведь ей там одиноко, Соф, — тихо сказал он.

— Нет, — она покачала головой. — Я нарисую ей другую мышку. Они будут бегать вместе.

Артём моргнул, возвращаясь в зал суда.

Он стоял внутри этого рисунка. Весь этот процесс, все эти тома уголовного дела, все эти экспертизы — это были линии, нарисованные чьей-то рукой, чтобы запереть людей внутри. Выход был закрашен. И те, кто строил этот лабиринт, убеждали всех, что это для их же блага. Чтобы не съел «кот» — мифический Запад, экстремизм, инакомыслие.

Артём глубоко вдохнул спёртый воздух.

— Ваша честь, — начал он. Голос его звучал твёрдо, резонируя в тишине зала. — Я мог бы сейчас, как это принято, разбирать доказательства обвинения. Я мог бы

говорить о том, что в деле нет ни одного потерпевшего. Что у моих подзащитных не найдено оружия. Что биллинг телефонов доказывает их алиби. Но я не буду этого делать.

Судья подняла голову. В её глазах мелькнуло удивление.

— Потому что это не имеет смысла, — продолжил Артём. — Мы находимся не в пространстве права. Мы находимся в пространстве мифа. Уважаемый прокурор только что блестяще это продемонстрировал. Он говорил о «духовной безопасности», о «скрытых угрозах». Но Уголовный кодекс не оперирует метафорами. Он оперирует фактами. А фактов у обвинения нет.

Артём взял со стола папку с материалами, которые он собирал последние недели. Те самые, которые отказались печатать газеты.

— Зато факты есть у меня. И я хочу, чтобы они были занесены в протокол.

Он поднял папку так, чтобы её видели все — и судья, и прокурор, и люди на заднем ряду.

— Это дело — не результат расследования преступления. Это результат выполнения политического заказа. И у этого заказа есть конкретные исполнители.

— Адвокат, — голос судьи стал ледяным. — Ближе к сути обвинения. Не устраивайте здесь митинг.

— Это и есть суть, Ваша честь, — Артём не отвёл взгляда. — Обвинение строится на заключении экспертов. Кто эти люди? Я держу в руках их дипломы. Учитель математики средней школы. Культуролог-заочник, работающий в частной фирме. Ни один из них не является религиоведом. Ни один из них не имеет компетенции определять, что является экстремизмом в религиозных текстах.

Он бросил копии дипломов на стол.

— Но самое интересное не это. Самое интересное — откуда они взяли текст своих экспертиз. Я провёл лингвистический анализ. Тексты заключений по этому делу на 80% совпадают с текстами методических пособий организации РАЦИРС.

При упоминании этой аббревиатуры прокурор дёрнулся, а один из мужчин на заднем ряду перестал жевать жвачку и подался вперёд.

— РАЦИРС, Ваша честь, — это общественная организация, которая открыто провозглашает своей целью борьбу с инакомыслием. Их методички — это идеология, целиком заимствованная у Кюнета. Следствие использует нацистские материалы, чтобы обвинять граждан России в работе на иностранные интересы. Вы не находите это иронией?

— Адвокат Левин! — судья ударила ладонью по столу. — Я делаю вам замечание. Вы оскорбляете суд и участников процесса. РАЦИРС не является стороной по делу. Прекратите спекуляции.

— Я не спекулирую, — Артём повысил голос, перекрывая её возмущение. Он знал, что идёт по краю. Он знал, что его могут удалить. Но микрофон на столе судьи горел красным огоньком. Запись шла. — Я утверждаю, что следствие сфабриковано на основе идеологических материалов, не имеющих отношения к науке. Я утверждаю, что свидетели обвинения — это штатные провокаторы, которые кочуют из процесса в процесс. Гражданка Н., чьи показания лежат в основе обвинения, в тот же день давала показания в суде города Кирова. Она что, умеет телепортироваться?

— Адвокат, я лишу вас слова! — судья уже почти кричала. Лицо её пошло красными пятнами. — Вы злоупотребляете правом на защиту!

— Я защищаю не только этих людей! — Артём развернулся к залу. — Я защищаю само понятие правосудия, которое здесь, в этих стенах, превращают в фарс. Мы видим, как создаётся конвейер. Сегодня это Свидетели Иеговы. Завтра это будут врачи, которые лечат не по протоколу. Послезавтра — учителя, которые учат не по тем учебникам.

— Приставы! — визгнула судья.

Двое дюжих парней в форме шагнули от дверей.

— Я заканчиваю, — быстро сказал Артём, глядя прямо в камеру, висящую в углу. — Ваша честь, вы можете удалить меня. Вы можете вынести любой приговор. Он уже написан, я знаю. Но вы не сможете удалить это из истории. В этом лабиринте, который вы строите, нет выхода не только для мышей. В нём нет выхода и для строителей. Стены, которые вы возводите из лжи, однажды рухнут. И они погребут под собой всех.

Он замолчал. В зале повисла тишина, звенящая, как натянутая струна. Приставы замерли на полпути, ожидая команды. Судья тяжело дышала, глядя на Артёма с ненавистью, смешанной со страхом. Она понимала, что он прав. Она понимала, что этот момент — не просто процессуальная процедура. Это сбой в матрице.

— Садитесь, — прошипела она наконец. — Ещё одно слово не по существу, и я удалю вас из зала и направлю частное определение в адвокатскую палату о лишении вас статуса.

Артём медленно сел. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, но он спрятал их под стол. Он сделал это. Он назвал вещи своими именами.

Прокурор сидел, уткнувшись в бумаги, не смея поднять глаз. «Наблюдатели» сзади что-то быстро писали в телефонах.

Артём посмотрел на своих подзащитных. Муж Лидии, худой, интеллигентный мужчина в очках, смотрел на него с благодарностью и... жалостью. Он понимал, чем рискует адвокат.

— Реплики? — буркнула судья.

— Нет, — глухо ответил прокурор.

— Суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора.

Все встали. Судья вылетела из зала, хлопнув дверью так, что со стены посыпалась штукатурка.

Артём остался стоять. Он чувствовал себя опустошённым, выжатым досуха. Адреналин уходил, оставляя после себя свинцовую усталость.

К нему подошла Лидия. Её глаза были сухими.

— Спасибо, Артём Сергеевич, — тихо сказала она. — Вы сказали правду. Это сейчас дороже свободы.

— Свобода дороже, — горько ответил он, собирая документы в портфель. — Правда не согреет в камере.

— Согреет, — твёрдо возразила она. — Вы не понимаете. Они могут забрать тело, но если мы соглашаемся с их ложью, они забирают душу. Вы сегодня не дали им забрать наши души. И свою тоже.

Артём посмотрел на неё. В этой маленькой, хрупкой женщине было больше силы, чем во всей судебной системе.

Он вышел в коридор. Там было так же сумрачно и душно. У окна стояли те двое «наблюдателей». Когда Артём проходил мимо, один из них, тот, что звонил ему с «дружеским советом», слегка кивнул и криво усмехнулся.

— Красиво говоришь, адвокат, — сказал он негромко. — Только зря. Протокол — это бумага. А бумага, как известно, всё стерпит. И огонь тоже.

Артём остановился.

— Рукописи не горят, — ответил он.

— Это в книжках, — усмехнулся тот. — А в жизни горят даже люди. Подумай об этом, пока будешь ждать приговор. У тебя есть время.

Артём вышел на улицу. Дождь прекратился, но небо висело так низко, что казалось, можно достать до него рукой.

Он достал телефон. На экране светилось уведомление: пропущенный звонок от Софии. Он не мог перезвонить. Не сейчас. Его голос дрожал бы, и она бы это почувствовала.

Он вспомнил её рисунок. Лабиринт без выхода.

Сегодня он попытался пробить стену. Он не знал, получилось ли у него оставить трещину. Но он знал одно: он больше не бежит по коридорам, которые нарисовали другие. Он остановился и повернулся лицом к тем, кто держит карандаш.

Приговор будет оглашён завтра. Сутки тишины. Сутки неизвестности.

Артём сел в машину. «Шкода» стояла на своём привычном месте, чуть поодаль.

— Ждёте? — спросил он у своего отражения в зеркале заднего вида. — Ждите.

Он включил диктофон на телефоне и начал надиктовывать, пока память была свежа. Он восстанавливал свою речь, слово в слово. Если они сотрут запись в суде, если они перепишут протокол — у него останется копия.

«В этом лабиринте, — говорил он в пустоту салона, — мы все заложники. Но пока хоть один человек помнит, где был выход, лабиринт не может стать вечным».

Он завёл мотор. Впереди была долгая ночь. Ночь перед оглашением. Самая тёмная ночь, когда надежда кажется глупостью, а цинизм — мудростью. Но Артём знал, что именно в этой темноте и проверяется, из чего ты сделан на самом деле.

Он выехал с парковки, и серая «Шкода» плавно тронулась следом, как тень, пришитая к его бамперу. Игра перешла в эндшпиль. И фигуры на доске уже нельзя было переставить назад.

Глава 10: Полураспад

Коридор суда был выкрашен в тот особенный оттенок бежевого, который, кажется, изобрели специально для государственных учреждений, чтобы подавлять волю ещё до входа в зал. Артём Левин стоял у окна, глядя на серую ноябрьскую хмарь, затянувшую небо над городом. Стекло вибрировало от проезжающих внизу грузовиков, и эта мелкая дрожь передавалась кончикам его пальцев.

Часы на стене показывали, что судья задерживается уже на два часа. Это была стандартная процедура — психологическая пытка ожиданием. Система любила показывать, что время человеческой жизни для неё не имеет никакой ценности.

Лидия сидела на деревянной скамье, сцепив руки в замок так крепко, что костяшки побелели. Она не плакала. Слезы кончились ещё на этапе следствия. Сейчас в её глазах была только гулкая пустота человека, который готовится услышать звук падающего топора. Рядом с ней Марина перебирала край своего пальто, её губы беззвучно шевелились — возможно, молитва, а возможно, просто нервный тик.

Артём не подходил к ним. Ему нечего было сказать. Все слова утешения, все юридические прогнозы, все стратегии защиты остались там, за дверью совещательной комнаты. Сейчас работала другая логика, не имеющая отношения к праву. Логика случайных чисел, телефонных звонков и настроения председателя суда.

Наконец, дверь зала номер четыре открылась. Секретарь, молодая девушка с усталым лицом и слишком ярким макияжем, выглянула в коридор и равнодушно бросила: — Заходите. Оглашение.

В зале было душно. Воздух казался плотным, словно его спрессовали стены. Артём занял свое место, чувствуя привычную тяжесть в желудке. Он посмотрел на клетку — «аквариум» из пуленепробиваемого стекла. Муж Лидии, Андрей, стоял там, заложив руки за спину. Костюм висел на нём мешком, но спину он держал прямо. Он улыбнулся жене — короткой, ободряющей улыбкой, от которой у Артёма защемило сердце.

Судья вошла стремительно, шелестя мантией. Все встали.

— Именем Российской Федерации...

Голос судьи был монотонным, лишённым интонаций. Она читала приговор так, словно зачитывала инструкцию к стиральной машине. Слова «экстремистская деятельность», «угроза конституционному строю», «пропаганда исключительности» падали в тишину зала, как комья земли на крышку гроба.

Артём слушал, выхватывая ключевые фразы. Он знал этот текст. Он видел его вариации в десятках других дел. Это был копипаст, юридический конструктор, где менялись только фамилии и даты. Доводы защиты, показания свидетелей, результаты независимых экспертиз — всё это было отброшено, проигнорировано, растворено в кислоте обвинительного уклона.

Судья перешла к резолютивной части. Артём напрягся. Сейчас.

— ...признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации...

Пауза. Секунда, растянувшаяся в вечность.

— ...и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на шесть лет...

В зале кто-то судорожно вздохнул. Лидия закрыла лицо руками.

— ...условно. С испытательным сроком пять лет.

Артём моргнул. Он не поверил своим ушам. Условно? По первой части? Это было почти невозможно. Статистика по таким делам была беспощадной: реальные сроки,

колонии общего режима. Условный срок для организатора — это сбой. Аномалия. Или...

Он посмотрел на прокурора. Тот даже бровью не повёл, продолжая что-то писать в телефоне. Значит, знали. Значит, согласовали.

— Освободить из-под стражи в зале суда, — буднично закончила судья.

Андрей в «аквариуме» покачнулся, схватившись за край скамьи. Он не выглядел счастливым. Он выглядел оглушённым, как человек, которого вели на расстрел, но в последний момент выстрелили холостым над ухом.

Но система не умела быть просто милосердной. Если она где-то разжимала челюсти, то в другом месте они смыкались с удвоенной силой.

Судья перевернула страницу.

— В отношении несовершеннолетнего Дениса... — фамилия сына Марины прозвучала как выстрел. — ...в связи с уклонением от явки в органы опеки и попечительства, а также наличием сведений о возможном нахождении в неустановленном месте, объявить в федеральный розыск. Материалы выделить в отдельное производство.

Марина вскрикнула. Это был не плач, а короткий, звериный звук боли. Она вскочила, но пристав тут же положил тяжёлую руку ей на плечо, вдавливая обратно в скамью.

— Тишина в зале! — рявкнула судья, даже не подняв глаз.

Артём почувствовал, как холодная ярость поднимается внутри, но тут же гаснет под весом бессилия. Вот она, цена «милосердия». Одного выпускают, чтобы показать: «Смотрите, мы гуманны». Другого — ребёнка! — объявляют в розыск, чтобы показать: «Мы достанем каждого». Это были качели. Изощёренная пытка надеждой и страхом.

Заседание было закрыто. Приставы открыли дверь «аквариума». Андрей вышел, шатаясь. Лидия бросилась к нему, но он обнял её осторожно, словно боялся сломать. Или сломаться сам.

Артём подошёл к ним. Вокруг суетились люди, кто-то поздравлял, кто-то плакал. Но Артём не чувствовал радости победы. Это не было победой.

— Поздравляю, — сказал он, пожимая руку Андрею. Ладонь подзащитного была сухой и холодной, как пергамент.

— Спасибо, Артём Сергеевич, — тихо ответил Андрей. В его глазах не было света. Там была тень. Тень человека, который понял, что его жизнь больше ему не принадлежит.

Они вышли на улицу. Дождь прекратился, но воздух был сырым и тяжёлым.

— Что теперь? — спросила Лидия, глядя на мужа так, словно видела призрака.

— Теперь — жизнь, — ответил Артём, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Условный срок — это не колония. Вы дома.

Но он знал, что врёт. И они знали.

Это была не свобода. Это был полураспад.

Андрей был на свободе, но он был «экстремистом». Его счета уже были заблокированы Росфинмониторингом. Он не мог снять ни копейки со своей зарплатной карты. Он не мог продать машину или квартиру. Он не мог устроиться на официальную работу — служба безопасности любой компании завернёт его на этапе проверки. Он был вычеркнут из экономической жизни. Он стал финансовым призраком.

Более того, испытательный срок означал тотальный контроль. Отметки в инспекции, запрет на выезд, ночные визиты участкового. Любое административное нарушение — переход дороги в неположенном месте, жалоба соседей — и условный срок превратится в реальный. Он будет жить с дамокловым мечом над головой следующие пять лет.

А Марина... Марина стояла в стороне, прижимая телефон к уху, и её лицо было серым. Сына ищут. Двенадцатилетнего мальчика объявили врагом государства, потому что он не хотел в детский дом.

— Это гибкость, — пробормотал Артём себе под нос. — Они научились быть гибкими. Им не нужны лагеря и вышки. Им достаточно создать условия, в которых человек перестает быть гражданином и становится изгоем.

Он попрощался с клиентами. Ему нужно было побыть одному.

Артём сел в машину, но не завёл двигатель. Он достал ноутбук. Крупные СМИ отказались его брать. «Слишком токсично», «не наш формат», «давайте без политики». Трусость была заразной, и эпидемия охватила всех.

Но молчать он не мог.

Он открыл независимую платформу для блогов. Заголовок уже был: *«Хроники полураспада: как система уничтожает людей без тюрьмы»*.

Он писал быстро, зло, выплёскивая на экран всё, что увидел сегодня. Он писал о том, что условный срок в нынешних реалиях — это форма гражданской казни. Он писал о Денисе, мальчике, который вынужден скрываться, как преступник только потому, что любит свою мать. Он выложил сканы сфабрикованных экспертиз, подписанных псевдоэкспертом. Он опубликовал фрагменты протоколов, где свидетели говорили под копирку.

«Мы привыкли думать, что репрессии — это чёрный воронок и расстрельный подвал, — печатал Артём. — Но современные репрессии выглядят иначе. Они выглядят как блокировка банковской карты. Как увольнение «по собственному желанию». Как шёпот соседей. Человека не убивают физически. Его стирают социально. Его превращают в радиоактивный элемент, к которому опасно приближаться. И этот период полураспада длится годами».

Он нажал «Опубликовать».

Артём сидел и смотрел на экран, ожидая... чего? Взрыва? Революции? Прозрения?

Прошёл час. Появились первые просмотры. Сто, двести, пятьсот. Несколько комментариев.

«Опять эти сектанты. Так им и надо». «Автор, ты на чью мельницу воду льёшь? Сколько госдеп заплатил?» «Ужас какой. Но что мы можем сделать? Держитесь».

И всё.

Мир не перевернулся. Люди продолжали постить котиков, обсуждать цены на бензин и новые сериалы. Трагедия двух семей, трагедия разрушения права утонула в информационном шуме. Для большинства это было просто ещё одной неприятной новостью, которую проще пролистнуть, чтобы не портить себе настроение.

Артём закрыл ноутбук. Он чувствовал себя опустошённым. Он кричал в пустоту, и пустота равнодушно поглощала звук. Машина работала. Ей было плевать на разоблачения. Она была слишком огромной, слишком инертной, чтобы реагировать на укусы комара.

Вечером он поехал не домой. Ноги сами привели его к знакомому району.

Он остановил машину за два квартала от школы Софии. Надел кепку, поднял воротник пальто. Он знал, что рискует. «Наружка» могла быть снята после приговора, а могла и остаться. Но тоска была сильнее осторожности.

Он встал в тени автобусной остановки, смешавшись с толпой усталых людей, ждущих транспорта.

Звонок прозвенел десять минут назад. Дети высыпали на крыльцо пёстрой, шумной толпой. Артём жадно вглядывался в лица.

Вот она.

София вышла одной из последних. На ней была та самая розовая шапка с помпоном, которую они выбирали вместе прошлой зимой. Рюкзак казался слишком большим для её хрупких плеч. Она не бежала, как другие дети. Она шла медленно, глядя под ноги.

Сердце Артёма рванулось вперёд, через дорогу, через поток машин. Ему хотелось крикнуть, позвать её, подхватить на руки. Сказать, что он здесь, что он не бросил, что он любит её больше жизни.

София остановилась у ворот. Она подняла голову и посмотрела по сторонам. В её взгляде было ожидание. Она кого-то искала. Может быть, его?

Артём сделал шаг из тени. Всего один шаг.

И тут же замер.

На противоположной стороне улицы, чуть поодаль от школьных ворот, стоял серый неприметный седан. Внутри сидели двое. Они не смотрели на детей. Они смотрели на улицу, сканируя прохожих.

Они ждали его.

Если он сейчас подойдёт, если он покажет, что эта девочка — его слабое место, они используют это. Они уже угрожали. Они уже намекали. Теперь, когда он опубликовал материалы, ставки выросли. Любой контакт мог стать фатальным для неё.

Артём отступил назад, в густую тень остановки. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

София постояла ещё минуту. Потом вздохнула — он увидел это движение плеч даже с такого расстояния — поправила лямку рюкзака и побрела в сторону дома. Одна. Маленькая фигурка в большом, враждебном городе.

Артём смотрел ей вслед, пока розовая шапка не скрылась за поворотом.

В этот момент он ненавидел себя больше, чем тех, кто сидел в сером седане. Он был отцом, который не мог подойти к своему ребёнку. Он был защитником, который не мог защитить самое дорогое.

Это и был его личный полураспад.

Он вернулся к машине, чувствуя себя стариком. Каждый шаг давался с трудом.

В кармане вибрировал телефон. Уведомления о комментариях в блоге. Кто-то писал слова поддержки, кто-то проклинал. Но это больше не имело значения.

Артём сел за руль.

Он вспомнил Андрея, выходящего из суда. Вспомнил его пустые глаза. Теперь он понимал этот взгляд. Это был взгляд человека, который выжил при бомбёжке, но потерял дом.

Система не просто наказывала. Она заражала. Она проникала внутрь, как радиация, меняя структуру ДНК, отравляя отношения, разрушая связи. Она заставляла бояться любви, потому что любовь становилась уязвимостью.

Артём завёл двигатель.

— Я не подойду, Соф, — прошептал он в темноту. — Я буду призраком. Но я буду рядом. Всегда.

Он тронулся с места, глядя в зеркало заднего вида. Серый седан остался у школы. Они не заметили его. Или сделали вид.

Впереди была ночь. И в этой ночи Артёму предстояло научиться жить заново. Жить в мире, где победа на вкус как пепел, а свобода — это просто длина поводка.

Он ехал по улицам Москвы, которая сверкала огнями витрин и ресторанов, праздничная, равнодушная, живая. И среди этого праздника он чувствовал себя носителем знания. Знания о том, как легко гаснет свет. Не в городе. В людях.

Лабиринт не кончился. Он просто стал прозрачным. Стены теперь были невидимыми, но от этого они стали только прочнее. И Артём знал: чтобы пройти этот лабиринт до конца, ему придётся стать кем-то другим.

Он свернул на набережную. Чёрная вода реки отражала огни фонарей, искажая их, превращая в дрожащие, размытые пятна. Точно так же, как система искажала судьбы.

Но река текла. И он должен был двигаться дальше. Даже если это движение по инерции. Даже если это полураспад.

Потому что пока он движется, он остаётся мишенью. А пока он мишень — они смотрят на него, а не на Софию.

Это была единственная сделка, которую он мог предложить судьбе. И он её принял.

Глава 11: Право на память

Снег падал на Москву тяжело и беззвучно, укрывая город белым саваном, который к утру неизбежно превратится в серую кашу под колёсами машин. Артём Левин стоял у окна своего кабинета, наблюдая за этим медленным погребением. Стекло было ледяным, и если прижаться к нему лбом, можно было на секунду остудить мысли, которые, казалось, плавились в черепной коробке последние несколько месяцев.

Офис изменился. Исчезла та стерильная, глянцевая безупречность, которой Артём так гордился раньше. На столе больше не было идеального порядка. Вместо аккуратных стопок папок с золотым тиснением «Корпоративное право» поверхность

была завалена распечатками, черновиками жалоб в ЕСПЧ и книгами по истории тоталитаризма. Дорогой кожаный диван в углу был завален коробками — Артём перевозил архив. Часть документов он уничтожил, пропустив через шредер, который гудел последние два часа, как голодный зверь. Другую часть — самую важную — он оцифровал и отправил на удалённые серверы, ключи от которых хранились в голове, а не на бумаге.

Он больше не был тем успешным адвокатом, который мог позволить себе выбирать клиентов по размеру гонорара. Тот Артём Левин умер где-то между первым допросом Лидии и оглашением приговора. Новый Артём Левин был беднее, злее и, как ни странно, спокойнее.

Дверь кабинета тихо скрипнула. Артём не обернулся. Он знал, кто это.

— Ты всё ещё здесь? — голос Виктора, его партнёра по бюро, звучал неуверенно. Раньше в этом голосе были только стальные нотки победителя. Теперь там слышался страх.

— Заканчиваю, — ответил Артём, продолжая смотреть на заснеженное Садовое кольцо. — Не переживай, Вить. Завтра здесь будет чисто. Никаких следов «экстремизма». Твоя репутация не пострадает.

— Дело не в репутации, Тём, — Виктор прошёл в кабинет, но остановился на середине, словно боясь пересечь невидимую черту заражения. — Дело в здравом смысле. Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты сжигаешь мосты. Клиенты уходят. Банки косятся. Ты стал токсичным.

Артём наконец повернулся. Он посмотрел на своего друга — на его безупречный костюм, на дорогие часы, на лицо, на котором была написана искренняя тревога, смешанная с желанием поскорее уйти.

— Я не сжигаю мосты, Витя. Я просто перестал строить их в никуда.

— Это всё из-за того дела? — Виктор поморщился. — Слушай, они получили условку. Это победа, чёрт возьми! В нынешних условиях это чудо. Зачем ты продолжаешь? Зачем эти статьи, эти интервью, которые никто не печатает? Ты же рациональный человек. Был им.

— Был, — кивнул Артём. — Рациональный человек знает, что плетью обуха не перешибёшь. Рациональный человек берет гонорар и идёт ужинать в «Dr. Живаго». А я... я, кажется, потерял право на эту рациональность.

Он подошёл к столу и взял в руки папку с делом Дениса — мальчика, которого объявили в розыск.

— Знаешь, Вить, когда ты смотришь в бездну, самое страшное не то, что она смотрит в тебя. Самое страшное — когда ты понимаешь, что бездна — это не дыра в земле. Это система координат. И мы все в ней живём. Просто ты научился не замечать решёток, потому что они покрашены в цвет евроремонта. А я... я случайно содрал краску.

Виктор вздохнул, поправил галстук. Ему было неуютно. Он пришёл попрощаться, но разговор превращался в обвинение, которого он не хотел слышать.

— Ладно. Это твой выбор. Документы о выходе из партнёрства готовы. Подпишешь завтра?

— Конечно.

Виктор развернулся и быстро вышел, оставив после себя шлейф дорогого парфюма, который тут же растворился в запахе озона от работающего шредера и старой бумаги.

Артём остался один. Тишина в кабинете была плотной, почти осязаемой. Это была тишина одиночества, но не того, от которого хочется выть, а того, которое необходимо снайперу перед выстрелом.

Он сел за стол и открыл ноутбук. На экране светился файл, который он вёл все эти месяцы. Его дневник. Хроника падения в кроличью нору, которая оказалась братской могилой здравого смысла.

Курсор мигал в конце страницы. Нужно было поставить точку. Не для читателей блога, не для истории, а для себя. Чтобы зафиксировать этот момент перехода.

Артём положил пальцы на клавиатуру. Слова приходили медленно, каждое из них весило тонну.

«Я искал логику там, где правит инстинкт самосохранения власти. Я искал закон там, где действуют понятия. Я думал, что моя задача — защитить

клиента от ошибки системы. Но системы не ошибаются. Они функционируют. И функция этой машины — перемалывать человеческое достоинство в строительный материал для своих стен.

Я больше не юрист в том смысле, которому меня учили в университете. Юрист работает с правилами. Я работаю с хаосом. Я стал кем-то вроде сталкера, который водит людей через минное поле, зная, что карты минных полей меняются каждую ночь.

Страшно ли мне? Да. Каждый раз, когда я подхожу к машине. Каждый раз, когда звонит телефон с незнакомого номера. Но этот страх перестал быть парализующим. Он стал рабочим инструментом. Как скальпель. Если ты не боишься порезаться, ты не будешь осторожен.

Сегодня я закрываю этот дневник. Больше нет смысла записывать аномалии, потому что аномалия стала нормой. Мы живём внутри искажения. И единственный способ не сойти с ума — это помнить, как выглядел мир до того, как его искривили».

Артём остановился. Он посмотрел на фотографию Софии, которая всё ещё стояла на столе, единственная вещь, которую он не убрал в коробку. Её улыбка была из другого времени. Из времени, когда папа был всемогущим волшебником, а не усталым человеком с мишенью на спине.

Он дописал последние строки, чувствуя, как внутри что-то щёлкает, вставая на место. Как затвор.

«В этом лабиринте никто не имеет права на защиту. Но если мы не будем идти вперёд, его стены останутся навсегда непробиваемыми».

Он сохранил файл. Закрыв крышку ноутбука. Всё.

Артём встал, надел пальто. Выключил свет. В темноте кабинет показался ему чужим, словно он уже съехал отсюда.

На улице мороз щипал лицо. Артём глубоко вдохнул холодный воздух, пытаясь выветрить запах офисной пыли. Он направился к машине, привычно сканируя взглядом парковку. Серая «Шкода» была на месте, в дальнем углу, припорошенная снегом. Они даже не пытались скрываться. Это было частью ритуала: «Мы здесь. Мы видим».

Артём усмехнулся. Пусть смотрят. Теперь это не пугало. Это раздражало, как назойливая муха, но не более. Он принял правила игры. Если они хотят быть его тенью, пусть будут. Тени исчезают в полдень, а он собирался дожить до рассвета.

Он сел в машину, но не поехал домой. Он просто сидел, глядя на приборную панель. Ему нужно было сделать звонок. Самый важный звонок за всё это время.

Он достал телефон. Палец завис над именем «София».

Последние недели он общался с ней короткими сообщениями или через бывшую жену. Он создал дистанцию, ров с водой, чтобы огонь, в котором он горел, не перекинулся на неё. Но ров не должен превращаться в пропасть.

Он нажал вызов. Гудки шли долго, мучительно.

— Алло? — голос дочери был сонным. Время было позднее, но он знал, что она часто читает под одеялом с фонариком.

— Привет, Соф. Не спишь?

— Папа! — сонливость мгновенно исчезла. — Ты где? Ты приедешь?

Сердце Артёма сжалось. В этом «Ты приедешь?» было столько надежды, столько детской веры в то, что всё можно исправить одним визитом.

— Нет, малыш. Сегодня не приеду.

— Опять командировка? — голос потух. — Мама говорит, ты спасаешь мир. Но мне кажется, ты просто не хочешь нас видеть.

Артём закрыл глаза. Ложь, которой он кормил её ради безопасности, становилась ядом.

— Послушай меня, София. Послушай внимательно. Я очень хочу тебя видеть. Больше всего на свете. Но сейчас... сейчас у меня сложная работа. Очень сложная.

— Ты ловишь преступников?

— Нет. Я помогаю людям, которых обидели те, кто сильнее. И эти сильные... они не очень любят, когда им мешают.

— Они злые? Как в сказках?

— В жизни нет злых и добрых, как в сказках, Соф. Есть люди, которые заблудились. И есть те, кто строит стены. Я сейчас ломаю эти стены. Это пыльно, громко и иногда опасно. Поэтому я пока не могу быть рядом так часто, как хочу. Я не хочу, чтобы на тебя попала пыль.

В трубке повисло молчание. София переваривала информацию. Она была умной девочкой, умнее многих взрослых.

— Ты боишься за меня? — спросила она тихо.

— Да. Я боюсь за тебя. Потому что ты — самое дорогое, что у меня есть. И именно поэтому я держусь подальше. Чтобы ты была в безопасности. Ты понимаешь?

— Как в «Гарри Поттере»? Когда родители прятали Гарри?

Артём улыбнулся, хотя глаза щипало.

— Вроде того. Только без магии.

— Пап...

— Что?

— А ты победишь?

Этот вопрос ударил под дых. Победит ли он? В мире, где победа измеряется условными сроками и сломанными судьбами, само слово «победа» казалось насмешкой.

— Я не знаю, Соф, — честно ответил он. — Но я не сдамся. Я обещаю тебе. И скоро... я не знаю когда, но скоро мы увидимся по-настоящему. Не на бегу, не по телефону. Мы пойдём в парк, съедим всё мороженое и я тебе всё объясню. Всё-всё. Когда ты станешь чуть старше.

— Я уже взрослая, — буркнула она, но в голосе уже не было обиды. Было принятие.

— Ладно. Ломай свои стены. Только надень каску.

Артём рассмеялся. Звук собственного смеха показался ему странным в тишине салона.

— Обязательно. Спокойной ночи, инженер.

— Спокойной ночи, папа.

Он положил трубку. Экран погас, отражая его лицо — уставшее, с новыми морщинами у глаз, но живое.

Разговор не исправил всего. Дистанция осталась. Угроза осталась. Но нить, связывающая их, натянулась, стала прочной, как стальной трос. Он больше не врал ей про командировки. Он дал ей правду, адаптированную, упрощённую, но правду. И она её приняла.

Артём завёл двигатель. «Шкода» в зеркале заднего вида тоже моргнула фарами.

— Поехали, — сказал он своим спутникам. — У нас ещё много дел.

Он ехал по ночной Москве, и город больше не казался ему враждебным. Он был просто декорацией. Лабиринтом. Артём знал его устройство. Он знал, где тупики, а где ловушки. Он не мог разрушить этот лабиринт целиком — он был слишком огромен, построенный поколениями страха и покорности. Но он мог прокладывать в нём тропы. Для Лидии. Для Марины. Для Дениса, которого он обязательно найдёт и вытащит. Для Софии.

Он приехал в свою съёмную квартиру за полночь. Сил не было даже на то, чтобы раздеться. Он упал на диван, чувствуя, как тело наливается свинцом.

Сон пришёл мгновенно.

Но это был не тот кошмар, который мучил его последние месяцы.

Он снова был в том бетонном зале. Стены уходили в бесконечность, серые, шершавые, без окон и дверей. Но теперь он не бежал. Он не задыхался от ужаса, пытаясь найти выход, которого нет.

Артём стоял перед стеной. Он был спокоен. В руках он чувствовал тяжесть — приятную, уверенную тяжесть огромной кувалды с длинной рукоятью.

Он посмотрел на свои руки. Они были в пыли и ссадинах, но не дрожали.

Он размахнулся. Движение было выверенным, экономным. Удар.

Металл врезался в бетон с глухим, мощным звуком. По стене побежала трещина — тонкая, как волос, но живая.

Артём вдохнул. Выдохнул. Размахнулся снова.

Удар.

Трещина расширилась. Посыпалась крошка.

Он знал, что за этой стеной — ещё одна. И за той — ещё. Их тысячи. Может быть, миллионы. Ему не хватит жизни, чтобы разбить их все.

Но это не имело значения. Значение имел только ритм. Вдох. Замах. Удар.

Он знал, что там, за толщей бетона, есть свет. Он не видел его, но чувствовал кожей. И с каждым ударом этот свет становился на миллиметр ближе.

Артём бил методично, без злости, с упрямством человека, который нашёл своё место.

Бах.

Это был звук не разрушения. Это был звук созидания. Звук сердца, которое продолжает биться вопреки всему.

Бах.

Лабиринт дрожал.

Бах.

Артём Левин работал. И пока он работал, выхода искать было не нужно. Он сам становился выходом.